

A man and a woman in business attire standing on a high-rise balcony overlooking a city skyline at sunset. The man is wearing a grey suit and the woman is wearing a red suit. They are both looking out at the city. The sky is a mix of orange and blue, and the city lights are visible in the background.

Вера Вольф

**Бизнес на двоих.
Бывший не в счет**

Вера Вольф

Бизнес на двоих.

БЫВШИЙ не в счёт

<https://litres.ru/73868617>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре года назад Артём бросил Катю ради карьеры. Сегодня он единственный, кто может спасти её стартап от банкротства.

У них 30 дней, один кабинет и жёсткий контракт инвестора. Работать вместе или потерять всё.

Катя не верит в прощения. Артём не просит жалости — он готов отработать каждый грех цифрами и личным участием. Но бизнес-план не учитывает главного: старая искра не гаснет, а вспыхивает сильнее, когда ставки растут.

Жанр: Современная романтика Офисный сеттинг

Тропы: Бывшие Вынужденное сотрудничество Второй шанс
Slow burn

Подпишитесь на продолжение. Когда дедлайн горит, чувства выходят из-под контроля.

Содержание

Глава 1. Черное письмо бывшему	4
Глава 2. Первый взгляд за стеклом	16
Глава 3. Стол vs. Стол	32
Глава 4. Что знает Лариса	46
Глава 5. Партнёрство бумажками	58
Глава 6. Новый кабинет, старый нерв	77
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Вера Вольф

Бизнес на двоих.

Бывший не в счёт

Глава 1. Черное письмо бывшему

Ну да, отличный план: сначала закрыть, а потом героически не прийти. Если это письмо от него, я закрою компанию, но всё равно не приду.

В правом углу экрана спокойно жил логотип корпорации, от которой нельзя было просто взять и закрыть вкладку, как мем с котиком. Кате понадобилась целая минута, чтобы честно признаться себе: дело не в подвисшем сервисе. Это не почта зависла, это она. Рука с мышкой онемела, как после неудачного укола. Указатель упрямо мигал над строкой «Новые — 1», напоминая: «Тут что-то важное».

Катя сидела за столом, машинально перекладывая пальцы с клавиши на клавишу, и чувствовала, как ткань пиджака липнет к спине, будто спрашивает: «Ну что, начальница, ты уверена?» Для такого письма в офисе было подозрительно шумно. Кто-то громко обсуждал, как обойти очередное «обновление правил». Клавиатуры тарахтели вразнобой, как маленький оркестр паники. На окне дрожал лист цветной бу-

маги с надписью: «Мы делаем старт простым». Надпись сейчас звучала почти издёвкой.

Блокнот тогда выдержал, она — не очень. На столе лежал её чёрный блокнот, аккуратно раскрытый на сегодняшней странице. Слева — нормальная, понятная жизнь: созвон с наставником, отчёт инвестору, презентация новой группе пользователей. Справа — одна фраза, обведённая так, будто она пыталась выцарапать её в бумаге: «Не доверять мужчинам-менеджерам». Она записала её после очередного «партнёра», который обсуждал её продукт глазами по линии выреза.

Входящее продолжало мигать, как сигнализация.

— Катя, ты там ещё жива? — из-за монитора высунулась Алёна, жуящая трубочку от кофе. — Меня тут лендинг добивает. Нужен твой фирменный пинок: «сделай проще и для людей».

— Сейчас, — голос Кати прозвучал подозрительно ровно. — Две минуты, и приду.

«Две минуты, чтобы решить, как ты проживёшь следующий квартал», — честно отозвалось внутри.

Письмо распахнулось, как дверь, к которой она уже приложила руку, хотя очень хотелось сделать вид, что мимо проходила. Она кликнула по строке.

Корпоративная группа „Цифровые решения“ выражает заинтересованность в сотрудничестве с вашей компанией...» «Уважаемая Екатерина,

Совместный запуск. Знакомый цирк: вежливый поклон, немного пафоса, набор слов, за который обычно цепляются стартаперы. Глаза быстро пробежали вводные формулировки. Партнёрство. Пилотный проект.

На середине текста в животе что-то сжалось.

Артём Морозов, заместитель генерального директора по развитию». «...в рамках конфиденциального партнёрского пакета мы рассматриваем вашу платформу как ключевой элемент в новом решении для малого бизнеса. В числе ответственных лиц со стороны нашей корпорации указан:

Строки поплыли, как будто кто-то пролил на экран воду.

В горле пересохло, как после длинного выступления без воды, хотя сегодня она молчала. Катя отодвинулась от стола и вцепилась в край кресла, будто офис дал крен. Шум в открытом пространстве отодвинулся и стал глухим фоном.

«Дело о расторжении брака Морозовой Екатерины Сергеевны и Морозова Артёма Андреевича». Имя ударило, как холодная вода по лицу. Без отчества, без лишних слов — «Артём Морозов». То же сочетание, что стояло в повестке из суда:

В руках у него тогда лежала папка с документами, а не она. Короткий кадр вспыхнул сам собой. Высокий мужчина в слишком безупречном костюме. Холодный, собранный взгляд. Ни одного лишнего жеста. Ни попытки взять её за руку у дверей ЗАГСа.

Фраза «конфиденциальный партнёрский пакет» уже сто-

яла в ярком прямоугольнике выделения — и сейчас в нём было больше злости, чем текста. Катя резко провела ладонью по лицу, будто стирала этот кадр, и заставила себя вернуться к экрану. Письмо по-прежнему спокойно лежало в окне. Логотип корпорации в углу светился, как прожектор, направленный прямо на неё.

«Пакет» — то, чем очень удобно выносить останки нервной системы. «Конфиденциальный» значит: никому не нужно знать, что он был её мужем. «Партнёрский» — им предлагают снова работать вместе.

Фраза «Не доверять мужчинам-менеджерам» смотрела на неё, как строгая версия её самой, которая умеет предусматривать такие письма. Взгляд снова упал на блокнот. Чёрная обложка, потёртые углы.

— Катя, — теперь Алёна уже стояла рядом, опираясь бедром о стол. — Я правда не хочу давить, но если мы до ночи не утрём этот текст, нас завернут.

Она замолчала, увидев, как Катя держит мышку, словно та может выстрелить.

— Что там? — спросила она уже совсем другим тоном.

На экране снова появилось спокойное «Входящие». Катя свернула письмо.

— Корпорация, — сказала она. — Тот самый «крупняк», о котором мечтают все маленькие, гордые и упрямые.

— Ого, — Алёна присвистнула. — Тебя зовут на бал? Тогда почему ты выглядишь так, будто это не карета, а ката-

фалк?

Катя чуть дёрнула плечом.

— Потому что у любой кареты есть водитель, — сказала она. — И иногда ты слишком хорошо его знаешь.

Алёна прищурилась внимательнее, чем обычно смотрела на статистику по кликам.

— Это тот, кто любит цифры больше людей?

Молчание оказалось достаточно громким. Катя не ответила.

— Ладно, — вздохнула Алёна. — Я уйду и буду делать вид, что не слышала тревожный звоночек. Но если это шанс, ты хотя бы дай ему шанс.

— Посмотрим, — сказала Катя, хотя внутри уже кипело: «Мы обе знаем, что ты это не забудешь».

Чей-то вздох: «Да ладно, снова правки?» Когда дверь переговорки за Алёной закрылась, обычный офисный шум вернулся, как ни в чём не бывало. Смех у кофемашины. Скрип колёсиков.

Катя наклонилась к экрану, как к микроскопу с опасным препаратом.

Она снова открыла письмо и заставила себя читать медленно, слово за словом.

Право зайти на поле, где о тебе говорят не как о симпатичном стартапе, а как о партнёре. Корпорация предлагала совместный пилот. Её продукт становился внешним слоем решения для малого бизнеса: первой точкой контакта для лю-

дей, которые боятся кнопок и форм, но всё ещё верят живому голосу. Они давали деньги. Доступ к сети своих клиентов.

По сути, ей предлагали перестать быть «милым стартапом с идеей» и стать игроком, с которым считаются.

И всё это шло в комплекте с одним знакомым именем в разделе «Координация проекта».

«Ответственное лицо: Артём Морозов».

его молчание в коридоре, когда дверь суда закрылась за ними. В груди словно положили тяжёлый камень. В голове защёлкнулась цепочка старых сцен: его «это выгоднее для нас обоих», её «я не хочу быть твоей строкой в отчёте»,

И в то, что она никогда больше не окажется «женой при чьей-то карьере». После того дня она собирала свою систему координат по крупичкам. Свой офис. Свою кружку. Своих людей, которые видели в ней лидера, а не чью-то жену на довесок. Лучший способ не верить в любовь — поверить в работу.

Вселенная явно любила чёрный юмор. Теперь самая большая сделка, способная спасти её бизнес, приходила с его подписью.

Если не знать, кто писал, можно было бы подумать, что это очень правильный, очень чужой человек. Катя дочитала письмо до конца. Даты встреч. Сухие формулировки. Обещания поддержки. Ни одной личной ноты, ни одного «как ты».

«Просим подтвердить готовность обсудить условия в бли-

жайшие десять дней». Внизу горела строчка:

Звучит щедро, если не знать её бухгалтерию. Десять дней.

Ночами они будут по-прежнему сидеть в офисе — только уже не над своим продуктом, а над резюме. Телефон завибрировал, как будто поддакивая письму. Всплыло уведомление от финансового сервиса: можно было не смотреть, но она всё равно глянула на остаток. Если в ближайшем квартале не придёт крупный контракт, им придётся резать команду, откладывая запуск новой линейки.

На экране сияло: «Дима — инвестор». Телефон загорелся второй раз — теперь уже вызовом.

Когда ещё ему звонить, как не в момент, когда ты ловишь дыхание. Конечно.

— Да, Дима, — взяла она трубку.

— Катя, привет, — в его обычно ироничном голосе звучала собранность. — Ты уже видела письмо от «Цифровых решений»?

— Уже, — сказала она.

— Это не просто письмо, — Дима сразу перешёл в рабочий режим. — Это то самое «окно возможности». Если вы зайдёте к ним, следующий раунд — не «если», а «когда».

— Я понимаю, — ответ прозвучал сухо.

— Сейчас я буду противным бухгалтером, — предупредил он. — У вас три-четыре месяца. Потом начнутся решения, которые никому не понравятся. Эта корпорация — самый короткий путь к устойчивости.

Фраза от этого, разумеется, не исчезла. Катя притянула к себе блокнот и кончиком пальца обвела фразу про мужчин-менеджеров.

— И что будет, если я скажу «нет»? — спросила она, хотя ответ уже дышал ей в затылок.

На той стороне повисла короткая пауза.

— Тогда мы пойдём длинным и дорогим путём, — честно сказал Дима. — И я не уверен, что ваша команда выдержит ещё год на таких оборотах.

— То есть, — медленно произнесла Катя, — если я откажусь, я рискую не только собой.

— Ты рискуешь всем, что успела построить, — мягко поправил он. — Я не собираюсь тебя давить. Но как инвестор обязан сказать: этот партнёр — ваш лучший шанс выжить.

Где-то там тоже сидели люди с правилами и письмами, которые эти правила ломают. Она отошла к окну, будто там воздух был понятнее. За стеклом горели окна других офисов.

— Откуда ты знаешь про личные осложнения? — спросила она, не отрывая взгляда от города.

Дима коротко хмыкнул.

И да, рынок маленький, слухи бегают быстрее отчётов. — Я читаю людей не хуже таблиц, — ответил он. — Когда ты в прошлый раз услышала их название, у тебя было лицо человека, который увидел не бренд, а одного конкретного мужчину.

— Прекрасно, — сказала Катя.

— Я не полезу дальше, — продолжил он. — Но скажу честно: сложные личные истории иногда делают проект живым. Люди любят наблюдать за теми, кто не идеален. Ты сама строишь на этом продукты.

«Люди — да. Не обязательно я», — подумала она.

— Допустим, — сказала Катя. — Допустим, я готова обсуждать.

Эта фраза далась ей как лишний подход с весом, который уже нельзя поставить обратно.

— Отлично, — Дима заметно выдохнул. — Я на твоей стороне. Но...

— Но?

— Без этой корпорации и без этого человека во главе проекта ваш стартап может не дожить до следующего квартала.

Вот и честный счёт.

Ответ «мы найдём другой путь» уже готовился, но ударился о вчерашние таблицы и упал. Катя почувствовала, как внутри поднимается волна — между паникой и злостью.

— Я услышала, — сказала она тихо. — Спасибо, что сказал прямо.

— Всегда, — ответил он. — И, Катя...

— Да?

— Ты не обязана возвращаться в чью-то жизнь, чтобы спасти компанию. Ты обязана решить, чем рискуешь. Не делай вид, что выбора нет.

Она отключила звонок раньше, чем он успел добавить

что-то ещё.

На экране по-прежнему светилось письмо, остановившееся на подписи. Возвращаясь к столу, она чувствовала каждый шаг, будто шла по узкой доске над пропастью. Стул тихо скрипнул, когда она села.

Артём Морозов». «С уважением,

Вот и вся «личность».

Она написала: Катя взяла чёрный блокнот и перевернула страницу. Чистая, плотная бумага ждала очередного расклада.

Где заканчивается бизнес и начинается повторение старой ошибки?» «Этот проект может спасти бизнес. Этот проект связан с ним.

Будто пыталась понять, какая из них ложь. Потом долго смотрела на эти строчки.

Глупый ритуал контроля, но сейчас ей нужен был хотя бы он. Она положила блокнот рядом с клавиатурой и тщательно выровняла его по краю стола.

Курсор мигал в строке «Ответить».

И два голоса внутри. Пустое поле. Пальцы, которые не хотят двигаться.

Один — холодный, логичный: ты основательница, ты отвечаешь за людей и продукт. Это партнёрство — шаг вперёд. Личные истории не должны руководить бизнесом.

Другой — тихий, упрямый: он уже превращал тебя в приложение к своей карьере. Он ушёл, когда ему стало выгод-

нее. Ты клялась, что больше не отдашь ключи от своей жизни в чужие руки.

Остановилась и разжала пальцы. Она поймала себя на том, что снова закручивает прядь волос до лёгкой боли.

«Не сейчас», — сказала себе.

Пальцы лёгли на клавиатуру. Вдох. Выдох.

Предлагаю согласовать дату встречи в ближайшие дни». «Здравствуйте. Готова обсудить условия возможного сотрудничества.

Как будто Артём Морозов — просто должность, а не человек, перед которым когда-то вслух зачитывали формулу о прекращении брака. Сухо. Нейтрально.

Она потянулась к кнопке «Отправить» и в этот момент заметила тему письма.

«Конфиденциальный партнёрский пакет — Морозов/Морозова».

Только теперь это было в корпоративной переписке, а не в семейных бумагах. Их фамилии снова стояли рядом. Слитно, как раньше на общих счетах.

По коже прошёл холодок.

«Сделка с дьяволом или терапия?» — мелькнула мысль.

Согласие — капитуляцию. Курсор продолжал мигать. Отказ означал побег.

Она выдохнула, опустила плечи так, будто удар уже пришёлся, и нажала «Отправить».

Письмо исчезло из черновиков и появилось в исходящих

— как факт, с которым придётся жить.

Ответ не заставил себя ждать десять дней.

Вот так просто: уже не обезличенная корпорация, а конкретный человек в строке «от кого». Прошёл час: созвон с Алёной, пару правок в лендинге, несколько вопросов от команды. Почта снова мигнула: «Новые — 1». Отправитель — «А. Mогозов».

Мышка предательски скользнула. Ладони вспотели сразу.

Глава 2. Первый взгляд за стеклом

Сон скомкался и уполз куда-то к трём ночи. Знаете это мерзкое состояние, когда лежишь в темноте и слушаешь, как в висках пульсирует одна и та же мысль? У Кати эта мысль звучала как приговор: «Ты сама на это подписалась». Она лежала, глядя в потолок съёмной квартиры, и считала удары сердца. Глухо. Размеренно. Неотвратно. Как будто кто-то забивал гвозди в крышку её спокойствия.

Утро встретило серым светом и холодным воздухом от незакрытого окна. Пальцы ног тут же заledenели на ламинате. Это было даже хорошо. Холод работал якорем. Он возвращал в тело, выдёргивал из вязкой трясины мыслей, где она всю ночь прокручивала сценарии встречи. А сценариев было много, и все - один другого краше. Либо она молча сбегает, либо он смотрит сквозь неё, как сквозь грязное стекло. Ни один не сулил облегчения.

Костюмы она перебирала дольше, чем слайды для инвесторов. Честное слово, легче было запустить новую линейку продукта, чем решить, в чём идти на встречу с бывшим мужем. Не яркий. Не тёмный. Достаточно строгий, чтобы её восприняли всерьёз, и достаточно мягкий по линиям, чтобы не выглядеть так, будто она пришла воевать. Хотя, положив руку на сердце, она шла именно воевать. Просто хорошая война начинается с разведки, а не с танков.

Ткань пиджака легла на плечи второй кожей - плотно, но не сковывая. Катя провела ладонями по бёдрам, разглаживая невидимые складки. И поймала себя на старом жесте. Она делала так перед каждой важной встречей в их совместной жизни. Тогда ждала его одобрительного кивка. Теперь - оценивающего взгляда собственного отражения в зеркале. Прогресс, подумала она без особой радости.

Отражение смотрело строго. Под глазами залегли тени, но тональный крем справился. Губы сжаты в тонкую линию. Она специально не стала красить их ярко. Сегодня нужна броня, а не приглашение к чему бы то ни было.

Корпоративный центр «Цифровые решения» высился над проспектом вставшим на дыбы стеклянным утюгом. Честное слово, глядя на это здание, хотелось то ли восхититься, то ли вызвать МЧС. Катя замедлила шаг за квартал до входа. Две минуты. Дыхание перестало сбиваться. Пальцы перестали подрагивать. Почти.

Она потянула тяжёлую дверь.

Вестибюль. Ничем не пахнет. Вообще. Представьте себе идеально стерильный мир без единого намёка на жизнь. Никакого кофе из автомата. Никакой пыли или бумаги. Только кондиционированный воздух, отфильтрованный до состояния медицинской операционной. Звуки умирали, не долетая до ушей. Шаги охранника тонули в матовой плитке пола. Голос на ресепшене приглушался до безопасного шёпота.

Пространство давило высотой. Над головой нависали три

этажа стекла и стали, и Катя физически ощущала, как этот объём давит на плечи. Прозрачные лифты ползли вверх и вниз с тихим электрическим гулом. На стене светился огромный логотип корпорации, подсвеченный холодным белым.

- Екатерина Морозова, - выговорила она и тут же поправи-
лась, потому что горло сдавило. - Компания «Ключ». Встре-
ча на десять.

Девушка за стойкой улыбнулась профессиональной улыб-
кой. Глаза в этом не участвовали.

- Да, госпожа Морозова. Вас ждут. Пропуск готов.

Катя взяла пластиковую карточку. Её фамилия красова-
лась ровно под логотипом. «Морозова». Без имени. Без ини-
циалов. Просто фамилия. Когда-то она была её собственной.
Потом стала чужой. Теперь висела на шее на синем шнурке
пропуском на вражескую территорию. Ирония судьбы в чи-
стом виде.

Она прицепила пропуск и направилась к лифтам.

Прозрачная кабина скользнула вверх. Город за стеклом
проваливался вниз, становясь игрушечным и нереальным.
Серые крыши. Полосы дорог. Муравьиные фигурки людей.
К горлу подкатила тугая волна.

Нет, не от высоты. От мысли о человеке, который сидел
на одном из верхних этажей. Ради него она когда-то готова
была отказаться от всего этого. «От всего этого» - от своего
дела, от команды, от права решать самой. Дура, да?

Она сжала папку. Край обложки врезался в ладонь. Белая

полоса боли.

Лифт остановился. Двери открылись в широкий коридор с панорамными окнами во всю стену.

И тут она его увидела.

Сначала - только отражение в стекле. Высокая фигура в тёмно-сером костюме стояла спиной у окна в дальнем конце холла. Плечи расправлены. Голова чуть наклонена. Мужчина смотрел в телефон, но отражение создавало иллюзию, будто он смотрит прямо на неё. Привет, прошлое. Давно не виделись.

Катя застыла.

Отражение искажало черты лица, делало его более плоским и чужим. Но она узнала бы этот силуэт из тысячи. Манеру держать голову. Разворот плеч. Когда-то он казался ей надёжной стеной. Потом эта стена стала той самой, о которую она разбилась.

Внутри что-то сжалось и тут же отпустило - быстро, как мышечный спазм. Мышцы живота напряглись, будто готовясь принять удар. Она заставила себя шагнуть вперёд. Ещё раз. Каблуки звучали по полированному полу слишком громко. Выстрелы в вакууме.

Он услышал шаги. Обернулся.

Они посмотрели друг на друга в упор.

Артём Морозов выглядел точно так же, как она помнила, - и в то же время совершенно иначе. Тёмные глаза, чуть усталые, но цепкие. Лицо без лишних эмоций. Лицо человека,

который привык решать, жить её компании дальше или нет. Костюм сидел идеально. Подчёркивал линию плеч и общую сухость фигуры. Ни одной лишней складки. Ни одного случайного жеста.

Он не улыбнулся. Просто смотрел - секунду, другую, третью. Воздух между ними загустел и приобрёл плотность воды. Грудную клетку сдавило невидимым обручем.

- Екатерина, - произнёс он ровно. Без вопросительной интонации. Без намёка на то, что они когда-то пили кофе из одной кружки.

Не «Катя». Не «привет». Только имя. Словно они впервые встретились на конференции и сейчас обмениваются визитками.

В горле пересохло мгновенно. Она сглотнула. Мышцы шеи напряглись.

- Артём Андреевич, - ответила она с той степенью ледяного спокойствия, которой позавидовал бы любой дипломат перед ядерной кнопкой.

Он чуть прищурился. Едва заметное движение век. Но она уловила. Ага, значит, не совсем робот.

- Хорошо, что вы приехали сами. - Жест в сторону коридора. - Переговорная в конце. Пойдёмте.

Он пошёл первым. Катя двинулась следом, выдерживая дистанцию в два шага. Не преследователь. Не отставшая. Партнёр на расстоянии вытянутой руки. Интересно, подумала она, он специально так идёт, чтобы она смотрела ему в

затылок? Или ему плевать?

Она смотрела в его затылок с тем же чувством, с каким глядят на запёртую дверь. За этой дверью когда-то осталось что-то важное. Дверь закрыта. Что прячется за ней теперь? Может, пустота. Может, всё тот же беспорядок, который она не разгребала годами.

Коридор казался бесконечным. Стены из матового стекла. За ними угадывались силуэты людей, склонённых над мониторами. Справа приглушённо гудел принтер. Слева долетел обрывок фразы: «...показатели четвёртого квартала не сходятся...» Обычный офисный шум. Но в этом здании он звучал иначе. Как звук работающего механизма, в котором каждая шестерёнка знает своё место.

Она здесь не на своём месте. И он это знает.

У двери переговорной Артём остановился и придержал ручку, пропуская её вперёд. Катя прошла мимо, стараясь не коснуться даже рукавом его пиджака. От него пахло тем же парфюмом, что и четыре года назад. Она запретила себе об этом думать. Запретила, понимаете? Но мозг - такая сволочь, он всё равно запомнил.

В переговорной уже сидели двое. Мужчина лет сорока с аккуратной бородкой и в очках - явно из проектного отдела, судя по блокноту и раскрытому ноутбуку. Женщина постарше, в строгом жакете, с лицом, сохранявшим только профессиональную доброжелательность.

- Екатерина, знакомьтесь: Игорь - руководитель проектно-

го офиса. Ольга - наш юрист. - Артём говорил ровно и без пауз. Как диктор прогноза погоды.

Катя кивнула, села на предложенное место. Стул удобный. Но спина всё равно напряглась, будто к позвоночнику приложили металлическую линейку.

Она положила папку перед собой и раскрыла её. Руки двигались автоматически. Мозг тем временем пытался переварить происходящее. Итак, она сидит в переговорной корпорации, где работает её бывший муж, который только что сделал вид, что они едва знакомы. Нормально. Всё нормально.

Он сидел напротив. Не рядом. Не через угол. Прямо напротив. Достаточно близко, чтобы видеть крошечную родинку над его левой бровью. Когда-то она целовала эту родинку по утрам. Достаточно далеко, чтобы не ощущать тепла его тела. Идеальное расстояние для медленного сведения с ума.

Игорь начал презентацию. Слайды сменяли друг друга: «Синергия», «План пилота», «Ключевые показатели успеха». Слова плыли мимо Кати, словно облака за окном. Она слышала их. Фиксировала смысл. Но всё её внимание оставалось прикованным к человеку напротив.

Он слушал Игоря и изредка кивал. Перевернул страницу в блокноте. Поправил манжет рубашки. Катя поймала себя на том, что следит за его руками. Глупая привычка из прошлой жизни. Тогда она смотрела на его руки и думала: «Вот человек, который держит мой мир». Теперь эти же руки держали обычную ручку и что-то записывали. Пункты, по которым её

компания должна соответствовать корпоративным стандартам.

И тут её словно током ударило.

Ручка.

На первый взгляд - ничего особенного. Чёрный корпус. Серебристый зажим. Но Катя узнала её мгновенно.

Она подарила ему эту вещицу четыре года назад. Тогда они ещё были женаты. Его корпорация ещё не называлась «Цифровыми решениями». Она была просто местом, где он работал допоздна. «Чтобы ты подписывал только то, что делает тебя счастливым», - сказала она тогда. Глупая, романтическая фраза. Он улыбнулся и поцеловал её в висок. А теперь держал этот стерженёк в пальцах и что-то черкал на полях корпоративного блокнота.

Внутри хрустнуло. Не сердце. Конструкция посерьёзнее. Та самая, которую она собирала по кирпичикам последние четыре года. Конструкция под названием «Он ушёл, потому что я была для него недостаточно выгодна».

И вот вопрос на миллион: если он такой расчётливый и рациональный, зачем ему старая ручка от бывшей жены? Сентиментальность? Не вяжется с образом. Практичность? Ерунда. У такого человека в столе лежит десяток новых, дорогих, статусных. Тогда зачем? Зачем, чёрт возьми?

Она не понимала. И это непонимание царапало изнутри сильнее прямой вражды.

- Екатерина. - Голос Игоря выдернул её из мыслей. - Во-

просы по плану есть?

Моргнула. Возврат в реальность.

- Да. - Голос твёрже, чем она ожидала. - Кто последнее слово скажет по дизайну? Кто отвечает за то, как продукт будет выглядеть и работать для пользователя?

Игорь открыл рот, но Артём опередил.

- Вместе. Твоя команда предлагает, моя - согласовывает. Но решаешь ты. Это твой продукт.

Катя перевела взгляд на него. В его глазах по-прежнему ничего не читалось. Ну конечно. Он же не человек, он функция.

- Хорошо. Второй вопрос. Кто будет вести проект от вас?

Пауза. Короткая, но заметная.

- Я, - ответил Артём.

В комнате мгновенно стало тихо. Даже Игорь перестал щёлкать своей ручкой.

Позвоночник прострелило ледяной иглой - от копчика до затылка. Это не страх. Это предчувствие. Приятного мало.

- Ясно.

Встреча покатила дальше. Сроки, ресурсы, кто за что отвечает. Катя задавала вопросы, отвечала на чужие, даже улыбнулась шутке Игоря про стартаперский хаос, схлестнувшийся с корпоративным порядком. Но краем глаза, кожей, древним чутьём она продолжала следить за Артёмом.

Он почти не смотрел на неё.

Странно. Неправильно.

Она помнила, как он смотрел раньше. Сначала - с интересом. Потом - с теплом. Потом - с усталостью. Потом - с виной. А потом - пусто. В день суда он смотрел в стол и молчал.

Сейчас его взгляд скользил по монитору, блокноту, окну, Игорю. Куда угодно, только не на неё.

Внутри разливалась тяжёлая, мутная волна. Не боль. Не обида. Что-то третье. Чему она пока не могла подобрать названия.

Когда встреча закончилась, Ольга-юрист собрала бумаги. Игорь допечатывал последние строки в ноутбуке. Артём поднялся первым.

- Екатерина, задержись на минуту.

Игорь и Ольга вышли. Дверь закрылась с мягким щелчком.

Они остались вдвоём.

Катя не встала. Смотрела на него снизу вверх. Мышцы живота напряглись. Тело готовилось к удару, даже если разум понимал, что удара не будет.

Артём обошёл стол и остановился у окна. Свет падал на лицо, делая черты старше и резче.

- Я не знал, что они впишут твою фамилию в тему письма. Это не я придумал.

Катя моргнула. Какая трогательная забота о её репутации.

- Ты об этом хотел поговорить? О том, кто придумал тему письма?

Он чуть повернул голову.

- Я хотел сказать, что всё, что было между нами, останется за этой дверью. Если ты сможешь оставить.

Внутри вспыхнуло. Быстро и жарко, словно спичка.

- Я смогу. - Она поднялась. - Я здесь ради своего дела. Не ради тебя.

Он кивнул. Просто кивнул. Будто она подтвердила его внутренний расчёт.

Ей захотелось то ли ударить его, то ли выйти вон и никогда не возвращаться.

Она взяла папку и пошла к двери.

У самого выхода остановилась.

- Артём.

Он обернулся.

- Почему ты до сих пор таскаешь с собой эту ручку?

Вопрос повис. Жилка на его виске дрогнула. Единственное, что выдало удивление.

Он ничего не ответил.

Она вышла, не дожидаясь.

Коридор встретил её тишиной. Корпоративной, отфильтрованной, как воздух в самолёте. Каждый шаг отдавался в висках глухим толчком. Внутри всё ещё горел уголёк от его молчания. Он не ответил. Просто стоял и смотрел, как она уходит.

Ручка.

Чёртова ручка.

Она остановилась у панорамного окна и уставилась на серую ленту проспекта. Пальцы сами нашли пульсирующую жилку на виске. Надавила. Боль отрезвила. Хватит. Он не ответил, потому что отвечать нечего. Сентиментальный хлам, забытый в кармане. Может, даже не помнит, откуда она.

Катя вспомнила, как он стоял в переговорной. Идеальный костюм. Идеальная осанка. Из нагрудного кармана - ни платка, ни визитницы. Только край ручки. Носит при себе. Не в столе. Не в органайзере. При себе. Это уже не просто привычка. Это... что-то другое.

Она прижалась лбом к холодному стеклу. Стекло обжигало морозом, остужало разгорячённые мысли. Там, внизу, люди спешили по простым и понятным делам. У них не было бывших мужей с загадочными ручками в карманах. У них не висело над головой проектов, от которых зависит, смогут ли они платить зарплату своей команде через три месяца.

Телефон в руке ожил короткой пульсацией. Алёна.

- Жива? - Голос подруги как глоток воды после пустыни.

- Пока не знаю. - Катя прикрыла глаза. - Мы встретились.

Он ведёт себя так, будто мы коллеги из соседних отделов.

- А ты хотела, чтобы он бросился в ноги с букетом?

- Я хотела, чтобы он хотя бы признал, что мы были знакомы.

На том конце повисла пауза. Алёна выдохнула.

- Кать, ты сама ответила ему сухо, как автоответчик. Он

играет по твоим правилам.

- Я знаю.

- Тогда что не так?

Катя смотрела, как по проспекту ползёт трамвай - маленький и игрушечный. Люди внутри стояли плечом к плечу. Тоскливое зрелище.

- Он носит ручку, - сказала она тихо.

- Какую ручку?

- Ту самую, которую я подарила четыре года назад. Алён, он её носит. В кармане. Я видела.

Снова пауза. Алёна думала.

- Это ничего не значит. Может, удобная. Может, привык.

- Может.

- Но ты уже придумала десять версий, где он тайно страдает по ночам.

Катя усмехнулась. Уголок губ дёрнулся вверх.

- Пять. Всего пять версий.

- Прогресс. Ладно, слушай. Ты сейчас где?

- В их башне из стекла и снобизма. Стою у окна, смотрю на нормальных людей.

- Отлично. Вдохни, выдохни и поезжай домой. Вечером созвонимся, разберём его по косточкам.

- Договорились.

Сбросила вызов. Стекло под лбом нагрелось, оставило мутное пятно. Катя выпрямилась. В отражении - бледное лицо, поджатые губы, прямой позвоночник. Человек после до-

проса.

Надо уходить. Пока не натворила глупостей. Не вернулась в переговорную и не потребовала ответа.

Повернулась к лифтам - и замерла.

В дальнем конце коридора, у двери с табличкой «Заместитель генерального директора по развитию», стояла женщина. Высокая. В облегающем платье цвета марсала. Смотрела прямо на Катю - оценивающе и холодно. Взгляды столкнулись на долю секунды. Женщина отвернулась и скрылась за дверью.

Кто это? Катя не разглядела лица. Но осанка, манера держаться - хозяйка. Не гостья.

Внутри заворочалось липкое беспокойство. Сил на анализ не осталось.

Она нажала кнопку лифта.

Пустая кабина. Катя вошла, прислонилась спиной к холодной стенке. Двери закрылись, лифт заскользил вниз.

На полпути остановка. Двери открылись. Вошёл Артём.

Вздрогнула всем телом. Вот так просто, да?

Он встал рядом, не глядя. Двери закрылись. Движение вниз.

Тишина абсолютная. Гул механизмов. Дыхание: его - ровное, спокойное; её - сбитое, как после бега.

- Ты не ответил. - Голос глухой, будто из-под воды. - Там, в переговорной. На мой вопрос.

Молчание. В отражении стали дверей - его напряжённый

профиль, сжатые челюсти.

- Это старая ручка. Удобная.

- Удобная. - Повторила как приговор. - Четыре года удобная.

Повернул голову. В отражении опять встретились взглядами. В его глазах мелькнуло что-то быстрое. Трещина в стекле.

- Катя...

Лифт дёрнулся. Остановка. Первый этаж.

Артём вышел первым, не договорив. Катя шагнула следом. Сердце бухнуло в рёбра под горлом.

Вестибюль почти пуст. Охранник листал журнал. Гудела вентиляция.

Артём направился к дверям, но у выхода остановился. Обернулся.

Катя замерла в нескольких шагах.

Смотрел долго. Странно. Будто хотел что-то сказать, но слова застревали. Потом коротко и сухо кивнул. Вышел на улицу. Растворился в сером свете.

Она осталась стоять посреди вестибюля.

Кто он теперь? Холодный руководитель высшего звена, играющий по бездушным правилам? Или тот самый человек, который когда-то держал её за руку и обещал, что они справятся со всем вместе?

И почему, чёрт возьми, он до сих пор таскает с собой её подарок?

Ответа не было. Только эхо шагов, когда она двинулась к выходу.

Катя вышла на крыльцо, подставила лицо ветру.

В кармане ожил телефон. Она не стала смотреть. Глубокий вдох. Воздух царапнул горло. Пошла к остановке. Не оборачивалась.

А за спиной, в отражении стеклянных дверей, ещё долго стояла тень человека, который смотрел ей вслед и не делал ни шага.

Глава 3. Стол vs. Стол

Катя усмехнулась про себя, вспомнив то самое утро, когда пришло письмо. С тех пор прошла целая вечность - а на деле всего несколько дней. И вот она сидит в переговорной «Цифровых решений», сжимает в руках подписанный договор и смотрит, как её бывший муж выводит на доске три этапа их совместного проекта. По тому же шаблону, по которому когда-то планировал их брак. Ирония, да? Вселенная явно пересмотрела чёрных комедий и теперь цитирует их в самые неподходящие моменты.

Три дня. Ровно столько Катя прожила в подвешенном состоянии. Между «всё нормально» и «зачем я вообще на это согласилась». Субботу она занимала себя чем придётся, лишь бы не проверять почту каждые полчаса. Чистила плиту до блеска, хотя та и так сияла. Перебирала вещи в шкафу, выкидывая то, что не носила годами. Смотрела глупые видео в телефоне - одно за другим, без смысла и пользы. Всё что угодно, лишь бы не думать. Не помогло. В воскресенье сдалась и открыла ноутбук. Письмо всё ещё висело в папке «Входящие», и тема с двумя фамилиями через косую черту жгла глаза. Закрыла вкладку. Открыла снова. Выключила компьютер и пошла гулять под дождём. Ночью понедельника лежала без сна и смотрела в потолок. Хотя бы не считала

удары сердца. Прогресс.

Утро встретило серым светом, дождём и пробками. Идеальный фон для первого дня совместной работы. Катя стояла у окна в коридоре «Цифровых решений» и смотрела, как капли разбиваются о стекло, стекают вниз неровными дорожками. Приехала на полчаса раньше, чтобы привыкнуть к пространству.

Алёна опоздала на три минуты, как всегда. В руках - кружка кофе, добытая на первом этаже. Ярко-синий пиджак кричал: «Я здесь не для того, чтобы сливаться со стенами». Стальной обруч в груди ослаб. Алёна умела одним своим видом возвращать веру. В то, что всё будет хорошо. Или хотя бы весело.

- Ну что, командир, готова к бою? - Алёна отхлебнула кофе и поморщилась. - Гадость, конечно, но бодрит.

- Готова. - Голос Кати прозвучал ровно. Внутри всё звенело. Мышцы шеи свело, плечи сами ползли к ушам. Пришлось сознательно их опустить. - Где Денис?

- Паркуется. Сказал, лучше опоздает, чем машину эвакуируют. Я его понимаю. Он вчера до трёх ночи сидел, доделывал демо-версию. Глаза красные, но довольный.

Денис появился через пять минут. Взъерошенный. С рюкзаком, из которого торчали провода и переходники. Гениальный разработчик, совершенно не умеющий врать. Если на встрече спросят его мнение, он скажет правду. Даже если эта правда будет стоять им контракта. Катя специально

взяла его с собой. Оружие честности против корпоративной дипломатии.

- Пошли.

Она первой вошла в переговорную.

Комната оказалась больше, чем помнилось по прошлой встрече. Длинный овальный стол из светлого дерева делил пространство на две половины. словно граница на карте военных действий. С одной стороны уже сидели трое. Игорь с неизменным блокнотом. Ольга с папкой документов. Незнакомый мужчина лет пятидесяти. С другой стороны - три пустых кресла. Для них. Стулья стояли чуть ниже, чем на «той» стороне. Или показалось? Катя одёрнула себя: не придумывай.

Интересная рассадка. Мы - отдельно, они - отдельно. Как две армии перед перемирием. Кто выбирал стол? Сам Артём или кто-то из подчинённых? И сделали это намеренно?

Артём стоял у окна спиной ко входу. Тот же разворот плеч. Та же манера держать голову - чуть набок, будто слушает что-то, недоступное другим. Катя заставила себя не смотреть на него дольше секунды. Заняла место в центре «своей» стороны, положила папку перед собой. Алёна села справа, Денис - слева. Кресло оказалось мягким, почти проваливающимся. Ещё один приём, чтобы гость чувствовал себя неуверенно? Или просто мебель такая? Хватит гадать. Она сосредоточилась на папке.

- Все в сборе. - Голос Артёма прозвучал глухо, отражаясь

от стеклянных стен. Он повернулся и занял место во главе стола. Не на их стороне и не на стороне своей команды. Ровно посередине. Как судья. Или как человек, считающий себя выше деления на «мы» и «они».

Внутри у Кати шевельнулось раздражение. Конечно. Ты всегда любил быть над схваткой. Даже когда эта схватка происходила в нашей собственной квартире, ты умудрялся смотреть на неё со стороны. Наверное, и сейчас в его голове тикает какой-нибудь мысленный секундомер, отмеряющий эффективность переговоров.

- Знакомьтесь. Виктор Семёнович, руководитель отдела стратегического планирования. Курирует финансовую модель пилота.

Виктор Семёнович кивнул с таким видом, будто его только что оторвали от чего-то невероятно важного. Очки в тонкой золотой оправе. Привычка поправлять их указательным пальцем, даже когда они сидели идеально. Катя ответила вежливой полуулыбкой. Мышцы лица одеревенели. Интересно, подумала она, сколько часов в день этот человек тратит на совещания, которые ничего не решают?

- С нашей стороны - Алёна, креативный директор, и Денис, ведущий разработчик.

Артём едва заметно кивнул. Скользнул взглядом по её команде. Задержался на Алёне - может, оценил яркий пиджак. И тут же перевёл глаза на проектор. Ни слова приветствия. Ни попытки установить контакт. Сухо. Профессионально.

По-морозовски. Как она и ожидала.

- Начнём. Игорь, презентация.

Слайды замелькали на стене. Катя слушала. Задавала вопросы. Делала пометки в блокноте. Всё как обычно. Кроме одного: каждый раз, когда Артём поворачивал голову в её сторону, дыхание перехватывало. Не от волнения - от злости. Он смотрел на неё как на функцию. Как на переменную в уравнении, которое нужно решить. Без интереса. Без узнавания. Без тени их общего прошлого. Словно она - всего лишь одно из условий задачи, а не живой человек с прошлым.

«Я тебе не переменная», - хотелось сказать. Но она молчала и рисовала на полях маленькие квадраты. Привычка из прошлой жизни. Когда-то чертила такие квадраты, пока он объяснял, почему им нужно подождать с детьми. Потом - пока объяснял, почему уходит. Квадраты становились всё мельче и темнее. Превращались в сплошную чёрную линию. Прямо как их отношения.

Игорь закончил с дорожной картой и перешёл к распределению ролей. Голос у него был монотонный, усыпляющий. Типичный голос человека, проведшего слишком много времени в корпоративных презентациях. Катя поймала себя на том, что начинает засыпать, и ткнула ручкой в ладонь. Боль отрезвила.

- Координация проекта - Артём Андреевич. Екатерина, с вашей стороны - кто возьмёт операционку?

Катя выпрямилась. Позвоночник хрустнул - слишком дол-

го сидела в одной позе.

- Я сама. Моя компания, моя ответственность.

Пауза. Виктор Семёнович хмыкнул и поправил очки. Ольга сделала пометку в блокноте. Артём посмотрел на Катю. Впервые за всё утро прямо, не скользя взглядом. В его глазах мелькнуло уважение. Или показалось.

- Принято.

Игорь продолжил. Технические детали, сроки, метрики. Алёна задала несколько острых вопросов про маркетинговую поддержку. Она умела бить в слабые места корпоративных презентаций. Её голос звучал звонко и уверенно, разрушая вязкую тишину переговорной. Денис один раз вставил реплику про архитектуру данных. Виктор Семёнович напрягся и начал быстро строчить в планшете. Напряжение росло. Струна натягивалась.

И тут Игорь, видимо пытаясь разрядить обстановку, допустил ошибку.

- Екатерина, вы с Артёмом Андреевичем так слаженно работаете, будто сто лет знакомы. Вы раньше пересекались?

Струна лопнула. Катя услышала этот звук внутри. Тонкий, звенящий.

Она могла сказать «нет». Могла улыбнуться и перевести разговор в деловое русло. Могла сделать вид, что вопрос незначительный. Никто бы не узнал. Артём явно ждал именно этого. Лицо бесстрастное, но пальцы на столе напряглись.

- Достаточно хорошо, чтобы знать, как он умеет держать

слово.

Ледяной тон удивил даже её саму. Внутри что-то злорадно улыбнулось.

Тишина. Не пауза - вакуум. Казалось, даже кондиционер перестал гудеть. Игорь замер с открытым ртом. Ольга перестала писать. Ручка зависла над блокнотом. Виктор Семёнович медленно перевёл взгляд с Кати на Артёма и обратно. В его глазах мелькнуло понимание, смешанное с любопытством. Он снял очки, протёр платком, снова надел. Жест, говоривший: «Так-так, здесь происходит что-то интересное».

Артём не шелохнулся. Только желваки на скулах проступили резче. Он смотрел на Катю. В его взгляде не было ни злости, ни удивления. Что-то другое. Может, признание. Может, старая боль, которую он тщательно прятал. Может, уважение к её смелости.

Алёна под столом легонько толкнула Катю коленом. То ли поддержка, то ли предупреждение. Денис, не поняв подтекста, деловито перевернул страницу в блокноте и спросил что-то про доступ к API. Его голос прозвучал так буднично, что напряжение немного спало. Спасибо Денису и его техническому мозгу.

Момент прошёл. Игорь, кашлянув, продолжил. Но воздух в комнате изменился. Теперь все знали: за этим партнёрством стоит что-то личное. И это «что-то» пахнет не розами. Виктор Семёнович бросил быстрый взгляд на Ольгу. Та едва заметно пожала плечами.

Катя перехватила взгляд Артёма. Он смотрел на неё - не как на функцию, не как на переменную. Как на человека, только что нанёсшего удар в самое уязвимое место. Глаза потемнели, зрачки расширились. Она помнила этот признак. Так он выглядел, когда его задевали за живое, но он не мог или не хотел отвечать.

И впервые за всё утро она почувствовала не злость. Удовлетворение. Чистое, острое, почти физическое. Как глоток холодной воды после долгой жажды. Маленькая, но такая сладкая месть.

Пока шла встреча, они обсуждали бюджет. Делили зоны ответственности. Спорили о сроках. Но каждое слово теперь звучало иначе. Каждое «мы» отдавалось эхом их прошлого «мы», давно переставшего существовать. Катя ловила себя на том, что слышит в голосе Артёма новые нотки. Раньше она их не замечала. Или не хотела замечать. Напряжение. Осторожность. Что-то похожее на попытку не наступить на мину.

К концу обсуждения Игорь выложил на стол два экземпляра договора. Папки легли с глухим стуком.

- Партнёрское соглашение. Ознакомьтесь и подпишите, пожалуйста.

Катя взяла свой экземпляр. Пробежала глазами. Всё то же, что они обсуждали на прошлой встрече, только теперь в виде официального документа. Пункт о конфиденциальности. Стандартная формулировка про неразглашение коммерче-

ской тайны. Но сейчас эти слова читались иначе. Будто её заставляли молчать не только о проекте, но и о прошлом. «Стороны обязуются не разглашать информацию, способную нанести ущерб деловой репутации». Ущерб репутации. Красиво сказано. Именно так он, наверное, объяснял себе их развод.

Она подписала. Ручка скользнула по бумаге, оставляя ровную синюю линию. Катя положила документ на стол и посмотрела на Артёма.

Он подписывал свой экземпляр. Её подарком. Той самой вещью, которую она вручила ему четыре года назад.

Внутри хрустнуло. Тонко, как ломающийся лёд. Она заставила себя отвести взгляд. Не сейчас. Не здесь. Дыши, Катя, дыши.

- Ну что ж. - Виктор Семёнович поднялся. - Поздравляю с началом партнёрства. Теперь пути назад нет.

Улыбка. Но Кате показалось - приговор. Пути назад нет. Она сама поставила подпись. Сама согласилась работать с человеком, когда-то разрушившим её веру в «мы». Теперь предстоит видеть его каждый день. Сидеть за одним столом. Обсуждать метрики и сроки. Делать вид, что их прошлое - всего лишь пункт в отчёте о рисках. Прекрасный план, Катя. Просто блестящий.

Все засобирались. Алёна что-то обсуждала с Игорем. Судя по жестам, пыталась выбить дополнительный бюджет на рекламу. Денис уточнял технические детали у Ольги. Та

кивала с каменным лицом. Катя осталась сидеть, глядя на подписанный договор. Он лежал перед ней. Официальный. Неумолимый. Как надгробная плита над прошлым.

Артём подошёл к доске, на которой во время встречи рисовали схемы. Взял маркер. Начал записывать. Быстро. Уверенно. Катя смотрела на его спину, на движение руки. Вдруг по позвоночнику пробежал ледяной ручеёк. Холод поднялся от копчика к затылку. Оставил мурашки.

Почерк.

Она узнала его мгновенно. Тот же наклон букв. Та же манера ставить точки - чуть выше строки. Буква «Ф» с длинным хвостом, уходящим вниз. Цифра «3» с острой серединой. Она помнила эту манеру писать. Ещё по их совместной жизни. Списки покупок на холодильнике. Записки «буду поздно». План их будущего дома, набросанный на салфетке в кафе. Тогда он писал быстро, увлечённо. Чернила смазывались - салфетка была дешёвой и рыхлой.

Теперь те же знакомые буквы выводили на корпоративной доске этапы проекта. «Фаза 1: тестирование гипотез». «Фаза 2: пилотный запуск». «Фаза 3: масштабирование». Чётко. Структурированно. Как военный план. Маркер поскрипывал по белой поверхности. Этот звук резал слух ножом по стеклу.

И структура этих шагов - она видела её раньше. Не в бизнес-контексте. В том самом плане их совместной жизни. «Укрепить фундамент». «Расширить горизонты». «Вый-

ти на новый уровень». Те же этапы. Только тогда речь шла о браке. Теперь - о проекте.

Внутри всё сжалось в тугую комок. Дыхание перехватило. Словно кто-то надавил на грудную клетку.

Он ведёт этот проект так же, как когда-то планировал их жизнь. По тому же шаблону. С той же холодной методичностью.

Выдержит ли она вторую попытку пройти по этому маршруту?

Тот вечер она помнила до мельчайших подробностей. Маленький итальянский ресторанчик на углу их улицы. Дешёвое красное вино в пузатых бокалах. Свеча в стеклянном стаканчике бросала тени на его лицо. Черты становились резче и старше. Пахло базиликом, чесноком и чем-то сладким. Кажется, тирамису, который они так и не заказали. Он взял салфетку. Вытащил из кармана её подарок - ту самую ручку. Начал чертить. «Смотри, Катя. Вот фундамент. Мы укрепим его за первый год. Вот горизонты - это второй год, расширение. А вот выход на новый уровень - третий год. Дальше будет видно». Она смеялась и говорила, что он планирует их брак как бизнес-проект. А он целовал её в висок и отвечал: «Просто я хочу, чтобы у нас всё получилось». Его губы были тёплыми и пахли вином.

Получилось. На полтора года. Потом фундамент дал трещину. Горизонты заволокло туманом. Новый уровень обернулся залом суда и его молчанием. Она сидела на скамье и

смотрела в его затылок. Он ни разу не обернулся. Судья зачитывал решение. Каждое слово падало камнем в воду. Она вышла на улицу, забыла зонт. Дождь хлестал по лицу, смешиваясь со слезами.

Теперь он стоял у доски в корпоративной переговорной и выводил те же пункты. Для их совместного проекта. Будто ничего не изменилось. Будто можно просто взять старый шаблон и наложить на новую реальность. Будто их развод - всего лишь неудачная итерация, которую можно исправить в следующей версии.

- Катя, ты идёшь? - Алёна тронула за плечо. Рука у подруги была тёплая, надёжная. - Денис уже внизу, машину поймал.

- Иду. - Голос прозвучал глухо, будто из-под воды.

Она ещё раз посмотрела сквозь стекло на доску. Артёма уже не было. Видимо, вышел через другую дверь. Но его почерк остался. Три этапа. Чёткий план. Знакомые буквы, которые она могла бы узнать из тысячи.

За спиной хлопнула дверь переговорной. Кто-то вошёл. Она слышала шаги, но не стала оборачиваться. Лифт пришёл, двери открылись с мягким шипением. Катя шагнула внутрь и нажала кнопку первого этажа.

- Ты как? - Алёна встала рядом, заглянула в лицо.

- Не знаю. - Катя прислонилась спиной к холодной стенке.

- Он пишет так же, как тогда. Теми же словами. «Фундамент, горизонты, новый уровень».

- Жесть.
- Жесть.
- Что теперь?
- Работать.

Двери начали закрываться. В последний момент Катя увидела в отражении полированной стали, как в переговорную возвращается Артём. Он подошёл к доске. Взял маркер. Что-то дописал в самом низу. Быстро. Размашисто. Всего несколько слов.

Что именно - она не успела разобрать. Двери сомкнулись, отрезав её от прошлого.

Лифт поехал вниз. Катя стояла, глядя на своё отражение в полированной стали. Бледное лицо. Сжатые губы. В глазах - что-то среднее между страхом и решимостью.

А вопрос так и остался висеть в воздухе, оседая на плечах холодной, липкой неизвестностью. Выдержит ли она? И что, чёрт возьми, он дописал на доске после того, как она ушла?

Может быть, «Прости». Может быть, «Я помню». А может, просто дату их следующей встречи.

Она не знала. И от этого незнания внутри всё сжималось в тугий узел. Такой тугий, что, казалось, он не развяжется никогда.

А где-то наверху, в пустой переговорной, на белой доске под тремя этапами проекта остались слова, которые Катя не успела прочесть. И от того, что они там были, воздух в комнате, кажется, стал ещё холоднее. Или это просто кондицио-

нер работал на полную мощность. Кто знает.

Глава 4. Что знает Лариса

Временный кабинет Кате выделили на втором этаже корпорации. Ну что ж, добро пожаловать в стеклянную клетку - три на четыре метра, не больше. Стены из матового пластика пропускали только размытые тени. Лиц за этим стеклом не разглядеть, только силуэты: кто прошёл, кто остановился, кто заглянул внутрь на секунду дольше положенного. Приятно, ничего не скажешь.

Из окна - глухая стена соседнего здания. Серый бетон. Ни одного дерева. Свет лился холодный, сверху, больничный. Он ложился на стол прямоугольником, и в нём плавали пылинки. Красота.

Стол узкий. Тёмный пластик, потёртые края. Стул с продавленным сиденьем. Колёсики заедают при каждом движении. Катя отодвинулась - одно чихнуло и встало. Пришлось толкнуть сильнее. Мелкая победа.

С собой она принесла только ноутбук, чёрный блокнот и кружку с ключом - логотипом стартапа. Кружка стояла у окна, ярко-белое пятно на сером фоне. Маленький флаг на чужой территории. Хоть что-то живое.

Второй день она здесь, если честно. Училась не вздрагивать, когда мимо проходили незнакомцы в дорогих костюмах. Не считать этажи - те, что отделяли её от кабинета Артёма. И не думать о том, что он дописал на доске после её

ухода.

«Фаза 1, фаза 2, фаза 3».

Пальцы замерли над клавиатурой. Катя снова прокрутила ту картину: его рука выводит знакомые буквы, маркер поскрипывает по белому пластику. Три этапа - и четвёртая строка, которую она не успела прочесть. Этот недописанный текст застрял занозой - и каждое движение отдавало тупой болью. И зачем он это сделал? Кто так делает?

Катя открыла блокнот. Перелистнула на сегодняшнюю страницу. Слева - рабочие заметки: «Согласовать бюджет до пятницы». «Презентация для IT-отдела». «Позвонить инвестору». Справа, на полях, одна фраза, обведённая жирной линией:

«Не доверять мужчинам-менеджерам».

Ладно, хватит. Катя закрыла блокнот. Вернулась к экрану.
- Прекрати, - сказала вслух.

Голос в пустой комнате прозвучал глухо, прибитым к ковровину. Кондиционер гудел на своей низкой, усыпляющей частоте. Часы на стене тикали слишком громко для такого маленького пространства. И вот вам сюрприз: она открыла рабочую почту.

Сорок три письма за два часа. Стандартная утренняя каша: уточнения по бюджету. Запросы на доступы. Календарь встреч. Кто-то переслал шутку про корпоратив. Катя проходила их одну за другой, отвечая коротко и сухо.

«Да».

«Нет».

«Уточните у разработчиков».

«Пришлите цифры».

Руки двигались сами. Мозг работал параллельно, пережёвывая вчерашнее. А вчерашнее, надо сказать, было то ещё.

После подписания договора они с Артёмом не разговаривали. Он ушёл через другую дверь. Она спустилась в лифте одна. Алёна что-то говорила: «Всё нормально, Катя, ты молодец». Но слова не долетали. Вечером Катя сидела дома на кухне. Смотрела в стену. Пила остывший горький чай. Потом взяла блокнот и записала: «Он ведёт проект как брак. Что это значит?»

Ответа не было.

Телефон моргнул уведомлением. Не рабочим - от мамы: «Ты как? Не передумала?» Катя набрала «Всё нормально» и удалила, не отправив. Потому что не нормально. Но маме этого не объяснить. Мама до сих пор считала развод «взрослым решением двух взрослых людей». Катя не стала её переубеждать. Иногда легче, когда тебя не понимают.

Она вернулась к почте. И вот тут - следующее письмо. Оно пришло с пометкой «Для внутреннего круга - конфиденциально». Отправитель - системный адрес аналитического отдела. Тема: «Анализ проектных рисков - Морозов А.А. / партнёрство с Ключ».

Катя уже хотела удалить - её добавили в рассылку по ошибке, явно не для внешнего партнёра. Но палец завис над

кнопкой. Что-то остановило. Чутьё. То самое, которое не обманывало никогда.

Она открыла письмо.

Текст на две страницы. Сухие формулировки - от них прямо веет уважением к человеческой душе. Таблицы с процентами. Графики вероятностей. Всё как в этом корпоративном цирке, где клоуны носят галстуки.

Катя пробежала строки, не цепляясь за смысл. Пока взгляд не споткнулся о знакомое слово.

«Личные обстоятельства руководителя проекта (Морозов А.А.) создают дополнительные факторы уязвимости. В частности, его прошлый брак с руководителем компании-партнёра (Морозова Е.С.) может повлиять на скорость решений и объективность оценки рисков».

Она перечитала три раза.

Каждое слово падало в желудок холодными камнями. Сначала непонимание. Потом узнавание. Потом тупая, тяжёлая боль расплзлась от груди к плечам.

«Прошлый брак».

«Факторы уязвимости».

«Объективность оценки».

Кто-то в этой корпорации разобрал их жизнь на пункты. Её боль. Её решение уйти. Его молчание в зале суда. Всё превратилось в строчки аналитической записки. Буквы на экране. Строчка в отчёте. И вы думаете, ей стало обидно? Обидно - это мягко сказано.

Пульс застучал в висках - глухо, ритмично, когда кажется, что кто-то снаружи барабанит по стеклу? Ладони взмокли. Спина прилипла к кожаному креслу, хотя в кабинете едва ли двадцать градусов.

Катя прокрутила дальше. Хуже. Конечно, хуже.

«Рекомендуется минимизировать прямое взаимодействие сторон в неформальной обстановке. Эмоциональная нестабильность партнёра (К.) может привести к срыву сроков на этапе стресс-тестирования».

«Эмоциональная нестабильность».

Катя закрыла глаза.

Темнота за веками покачнулась. Тиканье часов. Смех за стеной. Кровь шумит в ушах.

Эту фразу она слышала раньше. За год до развода. Они сидели на кухне их общей квартиры. Артём пил кофе из её любимой кружки - той, что разбилась при переезде. Он говорил: «Ты слишком остро реагируешь, Катя. Это мешает трезво смотреть на вещи».

Она тогда расплакалась. Ещё больше укрепив его правоту. Гениальный ход, да?

Теперь эти же слова пришли на корпоративном языке. Как приговор. Как доказательство: она - проблема. Её чувства - риск. Её присутствие рядом с Артёмом - угроза для бизнеса.

Она открыла глаза.

- Ну конечно, - прошептала.

Губы пересохли, потрескались. Облизнула - бесполезно.

Во рту привкус металла.

Катя дочитала до конца. Подписи нет. Только инициалы внизу, в поле «Ответственный аналитик»: «Л. К.».

Л. К. - Лариса? Или кто-то другой?

Она вглядывалась в буквы, будто те могли проявить лицо. Чёрный шрифт на белом фоне. Ничего.

Внутри всё сжалось. Туго, как пружина перед разжатием. Мышцы живота напряглись. Позвоночник выпрямился сам. Она сидела, не двигаясь, и чувствовала, как в груди растёт что-то тяжёлое и горячее.

Не паника.

Не страх.

Злость. Чистая, холодная, как лёд под ногами в январе.

Катя открыла внутреннюю базу сотрудников. Поиск по инициалам «Л. К.». Система думала три секунды - песочные часы на экране, бесконечное ожидание. Выдала три варианта.

Два - технические специалисты из ИТ-отдела. Мужчины. На фотографиях улыбаются в камеру с корпоративными бейджами.

Третий - Лариса Константиновна Ветрова. Руководитель отдела стратегических партнёрств.

Катя замерла.

На фотографии та самая женщина. Высокая, идеальная осанка. Волосы убраны в низкий пучок. Лицо без эмоций - только профессиональная готовность улыбнуться, если по-

требуют правила. Та, что смотрела на неё в коридоре в день первой встречи. Чей взгляд раздевал и оценивал одновременно.

Лариса Константиновна. Л. К.

Та, кто, возможно, знала всё. Или догадывалась. Или собирала информацию по крупицам, чтобы использовать в нужный момент. Спросите у неё - не скажет.

Катя закрыла базу.

Пальцы дрожали. Она положила руки на стол - холодный пластик под подушечками. Вдох. Выдох.

«Она знала детали. Знала, что Артём называл меня эмоциональной. И использовала это. Не против него. Против меня».

Катя снова открыла письмо. Перечитала последний абзац.

«Рекомендуется минимизировать прямое взаимодействие».

Минимизировать. Значит, убрать её с глаз долой. Спрятать в стеклянную клетку, чтобы не мешала. Чтобы не напоминала Артёму о том, что он когда-то выбрал не ту женщину.

Или выбрал ту, но пожалел?

Катя тряхнула головой. Не сейчас. Не об этом.

Пальцы сами потянулись к мышке. Нажала «Переслать». В поле «Кому» вбила свой личный адрес - тот, что не отслеживается корпоративной безопасностью.

Секунда. Курсор мигнул. «Отправить».

Письмо исчезло из входящих, появилось в исходящих.

Факт. Улика. Доказательство.

Катя выдохнула. Впервые за последние минуты - полной грудью. Воздух вошёл в лёгкие холодный, колючий. Контроль возвращался - тонкий, хрупкий, как паутина, но он был.

Она не станет жертвой. Не позволит превратить себя в строчку отчёта. Это письмо - её козырь. Спрятанный в рукаве. И когда-нибудь, когда Лариса сделает следующий шаг - а она сделает, - Катя ответит.

Тихое торжество разлилось в груди. Тёплое, сладкое. Маленькая победа, о которой никто не узнает. Но она есть.

Она закрыла вкладку. Но осадок остался. Тяжёлый, липкий, как сироп на дне стакана.

«Что ещё она знает? - подумала Катя. - И сколько лет хранила?»

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, вошла Алёна. Ну кто бы сомневался.

- Ты пропустила созвон с маркетологами.

Подруга прикрыла дверь. Остановилась. Вгляделась в лицо Кати.

- Что случилось?

Катя молчала. Горло сдавило. Она смотрела на Алёну - яркий пиджак цвета фуксии, рыжие волосы в небрежном хвосте - и не знала, с чего начать.

- Кать.

Голос подруги стал ниже. Тревожнее.

- Они написали отчёт. - Катя произнесла это ровно, чужим голосом. - Корпоративные аналитики. Про риски проекта.

Алёна прищурилась. Села на край стола, скрестила руки.

- И?

- Там есть пункт про меня. Про мою «эмоциональную нестабильность». - Катя выплюнула эти слова как пощёчину. Каждую букву отдельно. - И про то, что я могу сорвать сроки, потому что слишком остро реагирую.

Алёна медленно выдохнула. Её пальцы сжались на плече.

- Кто написал?

- Инициалы Л. К.

- Лариса?

- Не знаю. - Катя провела ладонью по лицу. Кожа горячая, почти липкая. - Но кто ещё? Кому это выгодно?

Алёна молчала. Смотрела в сторону, на кружку с ключом.

Потом перевела взгляд на Катю.

- Ему скажешь?

- Нет.

- Почему?

Катя помолчала. Внутри поднялась волна - старая, знакомая. Она устала от этой волны.

- Потому что он не защитил меня тогда. Не защитит и сейчас.

Слова упали в стеклянную тишину. Кондиционер щёлкнул, меняя режим. Где-то за стеной зазвонил телефон - три

гудка, тишина.

Алёна смотрела долго, изучающе. Катя выдержала её взгляд. Внутри всё кипело, но внешне - ни дрожи, ни паники. Только усталость. Тяжёлая, как мокрое пальто.

- Ладно, - сказала Алёна. - Твоё право. Но если она копнёт глубже, ты не справишься одна.

- Справлюсь.

- Катя.

- Справлюсь, - повторила Катя твёрже.

Пальцы на коленях сжались в кулаки. Ногти впились в ладони - короткая, отрезвляющая боль.

- Я уже справилась один раз. Справлюсь и сейчас.

Алёна вздохнула. Поправила пиджак. Встала.

- Хорошо. Тогда работаем. Через час встреча с их IT-отделом. Ты нужна там живой и внятной.

- Я в порядке.

- Ты выглядишь как человек, который только что узнал, что его медицинская карта стала достоянием общественности. - Алёна усмехнулась - грустно, без веселья. - Но если говоришь, что в порядке - поверю.

Она вышла. Дверь закрылась с мягким щелчком.

Катя осталась одна. И тут финал.

Она повернулась к мониторам. Два широкоформатных, корпоративных, с логотипом в правом нижнем углу.

Левый она выключила. Экран погас, превратившись в чёрное зеркало.

Правый ещё светился - рабочая почта. Список входящих. Сорок три письма: прочитанные, удалённые, помеченные флажками.

Она потянулась к кнопке питания на правом мониторе.

И замерла.

В списке входящих высветилось новое письмо. От того же отправителя - аналитический отдел. Тема: «Уточнение по риск-факторам - личная встреча».

Катя медленно убрала руку от кнопки. Кликнула.

Письмо открылось. Всего три строки:

«Коллеги, прошу включить в повестку совещания вопрос о дополнительных мерах контроля. Инициатор - Л. К.»

В поле «Кому» - её имя и имя Артёма. Вместе. Как тогда. Как в том письме, когда она впервые увидела его фамилию рядом со своей.

Катя смотрела на экран. Внутри поднималась волна. Не паника. Не страх. Холодная, тяжёлая злость. И странное, почти сладкое торжество.

Она сохранила и это письмо. Нажала «Переслать» - себе. Закрыла вкладку. Выключила правый монитор.

Экран погас. Чёрное зеркало снова показало её отражение: бледное лицо, тени под глазами, губы сжаты в тонкую линию. И над плечом - ничего. Пустота.

Но она знала. Там, в темноте выключенного монитора, всё ещё плавали инициалы. Л. К. Две буквы, которые только что стали её личным врагом.

Катя откинулась на спинку стула. Стул скрипнул - жалобно, как живой. Она положила руки на подлокотники и заставила себя дышать ровно. Вдох. Выдох. Вдох.

В затылке пульсировало.

Она закрыла глаза и увидела Ларису. Ту самую - с фотографии в базе сотрудников. Идеальная осанка. Холодный взгляд. Рука, которая держала эту аналитику.

«Сколько лет она ждала, чтобы использовать мой брак в своём отчёте?»

Тишина. Только часы на стене. Только холодный пластик под пальцами. Только тяжёлое, сладкое чувство человека, который только что забрал улику со стола врага и спрятал её в карман.

Она не проиграла этот раунд. Она даже не начала играть. Но теперь у неё было чем ответить.

И когда Лариса нанесёт следующий удар - а она нанесёт, Катя это знала, - ответ будет не словами. Он будет в этом письме. В двух сохранённых копиях. В тихой, холодной решимости женщины, которую однажды уже называли «эмоционально нестабильной».

Катя открыла глаза.

В отражении погасшего монитора её губы чуть дрогнули. Не улыбка. Оскал.

- Посмотрим, кто кого, - сказала она тихо.

Глава 5. Партнёрство бумажками

Катя сидела в юридическом отделе. Перед ней лежала толстая папка в корпоративной обложке. Логотип «Цифровых решений» темнел на уголке. В договоре её стартап значился как «Партнёр А», корпорация Артёма - «Партнёр Б». Будто две армии перед подписанием мирного договора. Только вместо пушек - ручки, вместо территорий - пункты о конфиденциальности.

Металлическая скоба переплёта давила на подушечку пальца. Она листала страницы. Бесцельно. Не вчитываясь. Просто чтобы занять руки и не начать барабанить ими по столу.

Справа расположился юрист корпорации - сухой мужчина лет пятидесяти. Фамилия Воронов шла ему как родная. Он говорил монотонно. Без интонаций. Будто зачитывал инструкцию к пылесосу. Человек-ксерокс в дорогом костюме.

- Пункт четыре-два. Ответственность сторон за репутационный ущерб. Партнёр А, - он чуть наклонил голову в сторону Кати, - несёт полную материальную и репутационную ответственность в случае публичных заявлений или действий, способных нанести урон деловой репутации Партнёра Б либо совместного проекта.

Катя перестала листать.

Пальцы замерли. Под кожей пробежал холодок. Не страх.

Узнавание. Та самая строчка, которую она ждала с первой минуты, когда увидела письмо с его именем. Вот оно, значит, как. Её прошлое - это «репутационный риск». Её боль - «действия, способные нанести урон». Очень удобно, ничего не скажешь.

- Что конкретно подпадает под «репутационный ущерб»? - спросила она ровно. Голос не дрогнул. И на том спасибо.

Воронов поправил очки. Жест отработанный.

- Любая информация, способная вызвать негативную реакцию рынка, инвесторов или клиентов. В том числе сведения о личных обстоятельствах участников проекта. Если они влияют на восприятие деловой этики.

Личные обстоятельства.

Катя выдохнула. Воздух вышел через сжатые зубы с едва слышным свистом. Мышцы поясницы напряглись. Тело готовилось к удару.

Напротив, через стол, сидел Артём.

Он вошёл за минуту до начала. Бесшумно. Кивнул Воронову и занял место. Тёмно-синий костюм. Белая рубашка. Он смотрел в свой экземпляр и не поднимал глаз. Но Катя заметила: когда Воронов произнёс «личные обстоятельства», на его шее дрогнула жилка. Маленькая, предательская деталь, которая говорила громче любых слов.

Знал. Конечно, знал.

Она вернулась к договору. Буквы плыли - бессонная ночь давала о себе знать. Она заставляла себя вчитываться. Хо-

телось просто подписать и уйти. Уйти от этого стола. От человека, который сидел напротив и делал вид, что их общая жизнь уместается в формулировку «сведения о личных обстоятельствах».

Воронов продолжал.

- Пункт шесть-один. Конфиденциальность. Стороны обязуются не разглашать информацию о личных и деловых обстоятельствах, способных повлиять на проект. Включая предыдущие деловые связи, семейное положение, личные отношения между участниками.

Катя подняла взгляд.

Артём смотрел в договор. Лицо неподвижное. Маска. Только пальцы правой руки сжали край страницы. Бумага под ними чуть смялась.

- Предыдущие деловые связи, - повторила Катя. - Семейное положение. Личные отношения.

Воронов кивнул, не уловив сарказма.

- Стандартная формулировка для проектов с высоким уровнем публичности. Защищает обе стороны от нежелательного внимания к частной жизни.

Частная жизнь.

Катя едва сдержала смех. Нервный, истерический, который подкатывал к горлу вместе с комом. Их частная жизнь уже лежала в папке аналитического отдела с пометкой «риск-фактор». Брак стал строчкой в отчёте. Развод - пунктом договора о неразглашении. Всё по-деловому, всё под грифом

«конфиденциально».

Она посмотрела на Артёма в упор.

- Кто решает, что именно подпадает под «нежелательное внимание»?

Воронов открыл рот. Артём опередил. Голос сухой, как шелест бумаги.

- Корпоративный совет. В спорной ситуации - юридический департамент.

Катя не отвела взгляда.

- То есть, если я скажу что-то неудобное, меня обвинят в репутационном ущербе?

Артём наконец поднял глаза.

Встретились взглядами. Воздух в комнате стал плотнее. Не от эмоций. От напряжения. Катя заметила тени под его глазами. Он тоже не спал. Интересно, что ему не давало покоя? Совесть? Или просто квартальный отчёт?

- Это стандартный пункт, - сказал он ровно. - Он не направлен против тебя.

- Против меня направлен весь мой прошлый брак, - ответила Катя. - Я уже поняла.

Воронов кашлянул и уткнулся в бумаги. Умный человек. Понял, что здесь сейчас будут не просто деловые переговоры.

Катя опустила взгляд. Страница шестьдесят третья. Пункт о конфиденциальности занимал полторы страницы убористого текста. «Любовь» заменили на «личные обстоятель-

ства». «Развод» - на «предыдущие деловые связи». И вот скажите мне, как после такого верить в то, что бизнес - это просто бизнес?

Она читала. Внутри что-то сжималось.

Не обида. Не злость.

Узнавание.

Вот так же он говорил в последний месяц их брака. «Это выгоднее для нас обоих». «Я думаю о нашем будущем». «Ты слишком остро реагируешь». Аккуратные фразы. Логичные. Правильные. Они убивали что-то внутри. Он не врал. Он упаковывал правду в формулировки, где её боль становилась «издержками процесса». И ведь не придерёшься - всё по делу.

Теперь эти формулировки лежали перед ней.

Она взяла ручку.

- Я подпишу.

Артём чуть наклонил голову. Воронов оживился.

Катя вывела фамилию. Медленно. Букву за буквой. Морозова. Та же, что и у него. После развода она хотела вернуть девичью. Стереть последний след. Но стартап она зарегистрировала на эту фамилию. Бренд строился вокруг неё. Клиенты знали её как Морозову. И вот, пожалуйста, - её фамилия снова рядом с его. В деловом договоре, а не в свидетельстве о браке. Судьба - та ещё шутница, правда?

Она оставила.

Теперь фамилия стояла под договором с корпорацией, где

работал её бывший муж. Скулы свело от иронии.

Она поставила последнюю закорючку и уже хотела отложить ручку. Взгляд упал на пункт шесть-три. «Сохранение служебной тайны в части личных договорённостей сторон».

Личные договорённости.

В их браке тоже были «личные договорённости». Рассказывать друг другу всё. Не ставить бизнес между собой. Если трудно - сказать вслух.

Он нарушил каждую.

Катя наклонилась над страницей. На полях, крошечными буквами, вывела дату.

Шестое октября.

Четыре цифры. Для Воронова - ничто. Для Артёма - день, когда судья зачитал решение.

Внутри что-то звякнуло. Тонко и остро. Не от боли. От странного, почти мстительного удовлетворения. Пусть попробует не заметить. Пусть теперь хоть на секунду вспомнит, как сидел в том зале и смотрел в стол. Как не обернулся, когда она уходила.

Она закрыла папку и подвинула через стол.

- Готово.

Воронов проверил подписи, кивнул и передал папку Артёму. Тот открыл свой экземпляр. Пролистал до страницы с подписями. Катя следила за его лицом. Внимательно, как никогда.

Ничего.

Он перевернул страницу. Взгляд задержался на полях. Жилка на виске дрогнула. Один раз. Он закрыл папку и положил перед собой.

- Принято.

Тот же тон, что и четыре года назад. «Это выгоднее для нас обоих».

К горлу подкатил ком. Не от обиды. От ярости. Он увидел. Она знала. И снова выбрал молчание. Потому что так удобнее. Потому что слова - это риски, а риски нужно минимизировать. Даже если эти слова - о самом важном.

Воронов поднялся, заговорил о сроках регистрации, обмене сканами. Катя слышала его как сквозь вату. Она смотрела на папку в руках Артёма и понимала: только что она подписала не только деловой контракт.

Она подписала согласие молчать.

Снова.

Как тогда, когда он уходил. «Не устраивай сцен». Как тогда, когда знакомые спрашивали, что случилось. «Мы решили разойтись». И улыбка. Как тогда, когда мама звонила. «Так вышло». И разговор о погоде.

Молчание было частью сделки. Тогда - сохранить лицо. Теперь - сохранить бизнес.

Она встала.

- Если вопросов нет, я пойду. У меня созвон с командой.

Воронов кивнул. Артём молчал.

Катя взялась за ручку двери.

- Екатерина.

Она обернулась.

Он стоял у стола с папкой в руке. Воронов вышел через другую дверь. Они остались вдвоём.

- Что?

Он смотрел на неё. В его взгляде появилось что-то новое. Не вина. Не сожаление. Вопрос, который он не решался задать. Как будто мальчик перед строгой учительницей, только мальчику этому под сорок, и костюм на нём стоит как половина её стартапа.

- Ты поставила дату.

Катя выдержала взгляд.

- Да.

- Зачем?

Мышцы шеи напряглись. Позвоночник держал спину идеально ровной.

- Чтобы ты помнил. Когда будешь подписывать следующие бумаги. Чтобы помнил, с кем имеешь дело и что между нами было.

Он молчал. А что тут скажешь? «Извини, я был дураком»? Слишком просто. «Я всё исправлю»? Слишком громко. И он это понимал. Потому и молчал.

- Я не твоя строчка в отчёте, Артём. - Голос стал тише, но в нём звенела сталь. - И не твой «репутационный риск». Я твоя бывшая жена. Ты обещал пройти со мной все этапы. А потом сдал, потому что так было выгоднее.

Он открыл рот.

- Не надо. Я подписала договор. Я буду работать. Я сделаю этот проект. Но не думай, что я забуду.

Она вышла.

Дверь закрылась с мягким щелчком. Где-то гудел принтер. Катя прислонилась спиной к стене и закрыла глаза.

Внутри всё дрожало.

Она открыла глаза и пошла к лифтам.

На полпути её перехватила Алёна.

- Ну что? Подписала?

Катя кивнула.

Алёна всмотрелась в её лицо и присвистнула.

- Выглядишь так, будто не контракт подписала, а приговор.

- Почти.

Они пошли рядом. Каблуки Алёны стучали по плитке быстрее Катиных. Подруга всегда спешила, даже когда идти было некуда.

- Что там было?

Катя пересказала коротко. Пункт о репутационном ущербе. «Личные обстоятельства». Дата на полях.

Алёна выслушала молча. Остановилась посреди коридора.

- Ты поставила дату развода? В договоре?

- Да.

- И он увидел?

- Да.

Алёна выдохнула.

- Катя, это либо самый тупой, либо самый гениальный поступок в твоей жизни.

- Склоняюсь к первому.

Они дошли до лифтов. Катя нажала кнопку. В шахте загудел механизм.

- Знаешь, что бесит больше всего?

- Что?

- Он даже не попытался объяснить. Тогда. Четыре года назад. И сейчас. Молчит и смотрит. Будто я сама должна догадаться. Будто я экстрасенс, а не его бывшая жена, которой он когда-то клялся в вечной любви.

Алёна тронула её за плечо. Ладонь была тёплой, успокаивающей.

- Может, он просто не знает, как.

- Он топ-менеджер корпорации. Он знает, как вести переговоры. Как убеждать инвесторов. Как выбивать условия. А когда дело касается меня - немеет. Удобная избирательная немота, правда?

Двери открылись.

Катя шагнула внутрь и повернулась к Алёне.

- Я устала догадываться. Пусть теперь он думает.

Двери сомкнулись.

Лифт поехал вниз.

Она смотрела на своё отражение в полированной стали.

Бледное лицо. Сжатые губы. Серые тени под глазами. Прядь волос прилипла к виску - она не заметила, когда выбилась из хвоста. Красавица, ничего не скажешь. Прямо фотография для обложки женского журнала «Как я пережила встречу с бывшим мужем и не сошла с ума».

В голове крутилась картинка: её рука выводит подпись. Рядом - его подпись. Морозов А.А. и Морозова Е.С. Снова рядом. Как в ЗАГСе. Только не на свидетельстве о браке. На договоре о партнёрстве. Ирония судьбы, от которой хотелось то ли смеяться, то ли биться головой о стену.

Внутри что-то дёрнулось. Мышечный спазм.

Она вспомнила.

Тепло его плеча у стойки регистрации. Её дрожащие пальцы. Его ладонь поверх её руки. «Всё будет хорошо». Она поверила. Дура.

Теперь её пальцы не дрожали. Она вдавливала стержень в бумагу. Он не накрывал её ладонь. Он сидел напротив и смотрел в свой экземпляр. Как будто она была чужим человеком. А может, так и есть? Может, тот Артём, за которого она выходила замуж, умер и воскрес в виде бездушного менеджера с папкой для документов?

Катя сглотнула. Язык прилипал к нёбу.

Лифт остановился на седьмом этаже. Вошёл мужчина с бейджем «Проектный отдел». Кивнул. Встал в угол. Катя отодвинулась к противоположной стене.

Двери закрылись.

Она закрыла глаза.

Под веками всплыла другая картинка. Зал суда. Серые стены. Серый свет. Серое лицо судьи. Она сидела и смотрела в затылок Артёма. Он ни разу не обернулся. Когда судья зачитывал решение, его спина оставалась прямой. Человек, который принял решение и идёт дальше. Без оглядки. Без сожалений. По крайней мере, так ей тогда казалось.

«Он даже не сомневается».

Внутри что-то оборвалось. Тонко и беззвучно.

Теперь он снова сидел с лицом человека, который не сомневается.

Но дату заметил.

Жилка дрогнула.

И вот этот крошечный знак - дрогнувшая жилка на виске - сейчас казался важнее любых слов. Потому что словам она уже не верила. А тело не врёт. Ведь так?

Лифт дзынькнул. Первый этаж. Двери открылись.

Катя вышла в вестибюль. Шумно. Кто-то смеялся у стойки ресепшена. Хлопали двери. Жизнь шла своим чередом, как будто ничего не произошло. И это было самое странное - мир не рухнул. Просто внутри неё что-то сместилось, а снаружи всё осталось по-прежнему.

Она толкнула стеклянную дверь. Ветер ударил в лицо. Холодный. Колючий. С запахом мокрого асфальта. Она вдохнула. Воздух царапнул горло. Приятно. Хоть что-то настоящее, не стерильно-офисное, не упакованное в юридические

формулировки.

Она спустилась по ступенькам. Остановилась у края тротуара. Машины шуршали шинами по мокрой дороге. Люди спешили, обходя её. Она смотрела на серое небо и думала, что вот так, наверное, чувствуют себя воздушные шарики, из которых медленно выходит воздух. Вроде ещё летишь, но уже как-то неуверенно.

За спиной раздался шаг. Быстрые. Уверенные. Она узнала их раньше, чем обернулась. Конечно. Кто же ещё.

- Екатерина.

Артём стоял в двух шагах. Пиджак расстёгнут. Волосы взъерошены ветром. В руке - папка. Выглядел он так, будто выбежал за ней сразу, не задерживаясь в кабинете. Сердце ёкнуло помимо воли.

- Что?

Он сделал шаг вперёд.

- Ты спросила в лифте. В первый день. Почему я ношу эту ручку.

Сердце пропустило удар. Понеслось вскачь. Гулко. В висках застучало.

- И?

Он сунул руку в карман. Вытащил ручку. Протянул ей.

- Потому что это единственное, что у меня осталось. От нас.

Катя смотрела на ручку. Чёрный корпус. Серебристый зажим. Та самая. Она выбирала её в магазинчике у метро. Про-

давец завернул в бумагу и перевязал ленточкой. Она волновалась, понравится ли ему. Как девочка перед первым свиданием. А он тогда улыбнулся и поцеловал её в висок. И сказал: «Теперь у меня нет выбора, только подписывать то, что сделает меня счастливым». И она поверила, что так и будет.

Теперь ручка лежала на его ладони. Маленькая. Потёртая. Нелепая в своей сентиментальности. И почему-то именно эта нелепость задела сильнее всего. Потому что если бы он был просто холодным карьеристом, он бы давно её выбросил. А он носит. Четыре года носит в кармане её подарок. И молчит.

Она перевела взгляд с ручки на его лицо. Вдох. Выдох. И не взяла.

- Этого недостаточно, Артём.

Он опустил руку. Медленно, словно ручка весила тонну.

- Я знаю.

Они стояли под серым небом. Ветер трепал полы пиджаков. Мимо шли люди. Сигналили машины. Где-то играла музыка из открытого окна. А они молчали. Два взрослых человека, которые когда-то любили друг друга, а теперь не знают, как сделать шаг навстречу, чтобы снова не разбиться.

Он заговорил первым. И голос его дрогнул - впервые за всё время.

- Я не знаю, как всё исправить. Не умею. Но я хочу попробовать.

Катя смотрела на него. Внутри боролись два желания. По-

вернуться и уйти. Сделать шаг. Ещё один. Не оглядываться. Как он когда-то. Хлопнуть дверью и забыть.

Или остаться. Услышать. Дать ему шанс. Дать себе шанс. Рискнуть снова. А вдруг?

Она не знала, какое правильное. И никто не знал. В любви вообще нет правильных решений, есть только те, на которые хватает смелости.

- У тебя тридцать дней. Корпоративный совет дал нам месяц. Если проект не взлетит - я уйду. И тогда никакие ручки не помогут.

Он кивнул.

- Я понял.

Катя развернулась и пошла к остановке. Спина прямая. Шаг ровный. Она не оборачивалась. Но кожей чувствовала его взгляд. И от этого взгляда между лопатками разливалось тепло, которое она пыталась игнорировать. Пыталась и не могла.

Артём возвращался через центральный вход. В вестибюле его перехватил Воронов. Юрист выглядел взволнованным - насколько это возможно для человека, чьё лицо десятилетиями тренировалось не выражать эмоций. Но глаза выдавали: что-то его грызло.

- Артём Андреевич, можно на минуту?

Артём остановился. Внутренне приготовился к очередной порции корпоративной бюрократии.

- Слушаю.

Воронов понизил голос. Конспиратор.

- Я просматривал договор перед отправкой в архив. Заметил кое-что на полях. Страница с подписями.

Артём напрягся.

- И?

- Там дата. Шестое октября. Это имеет отношение к проекту?

Артём помолчал. Что тут скажешь? Правду? Слишком сложно. Соврать? Бессмысленно.

- Нет. Это личное.

Воронов кивнул с таким видом, будто услышал именно то, что ожидал.

- Я так и подумал. Формально не нарушение. Просто пометка. Но я решил предупредить. На случай, если кто-то ещё обратит внимание.

- Спасибо. Я учту.

Воронов повернулся уходить. Остановился. И тут случилось то, чего Артём не ожидал от человека, проработавшего в юриспруденции четверть века.

- Знаете, Артём Андреевич, - сказал он, не оборачиваясь. - Я в этом бизнесе двадцать пять лет. Видел сотни партнёрств. И могу сказать одну вещь.

- Какую?

Воронов обернулся и посмотрел поверх очков. В его взгляде мелькнуло что-то человеческое, почти сочувствен-

ное.

- Из вас получится очень сильный союз. Вы дополняете друг друга.

Он ушёл. Артём остался стоять посреди вестибюля с папкой в руке.

Внутри что-то переворачивалось. Не надежда. Не страх. Что-то третье, чему он, как и Катя, не мог подобрать названия. Но это «что-то» грело и колело одновременно. Примерно так же, как её взгляд там, на крыльце, когда она сказала «у тебя тридцать дней» и не обернулась.

«Из вас получится очень сильный союз».

Слова отразились от стеклянных стен. Чужие слова. Случайные. Но почему-то именно они сейчас казались важнее всех отчётов и планов.

Он перевёл взгляд на двери. Там, в сером воздухе, ещё висело эхо её слов. «У тебя тридцать дней».

Тридцать дней.

Он сжал папку крепче и пошёл к лифту.

Двери открылись. Пустая кабина. Он нажал кнопку своего этажа. Лифт тронулся. Он смотрел на отражение в полированной стали. И видел там не топ-менеджера с идеальной осанкой. А человека, получившего второй шанс. И боящегося его упустить. Потому что второй шанс - это страшнее первого. В первый раз не знаешь, что теряешь. Во второй - знаешь слишком хорошо.

Двери закрылись.

Он остался один в тишине движущейся кабины. Фраза Воронова звучала в ушах. Как приговор. Как издёвка. Как предсказание. И как самое неожиданное напутствие, которое он когда-либо получал.

Он смотрел на закрывшуюся дверь и впервые за четыре года не знал, что сказать даже самому себе. Но, кажется, начинал понимать, что молчание - не всегда выход. Иногда слова нужны. Особенно те, которые труднее всего произнести.

И где-то в груди, под рёбрами, зарождалось странное, давно забытое чувство. То ли решимость. То ли надежда. А может, и то, и другое сразу. Но одно он знал точно: эти тридцать дней он использует. Не для проекта. Для неё. Потому что проект - это просто цифры. А Катя - это то, ради чего вообще стоит что-то менять.

Вопрос только в том, успеет ли он это доказать. И хватит ли у него смелости сказать те самые слова, которые он не сказал четыре года назад.

Лифт остановился. Двери открылись на его этаже. Артём вышел в коридор, сжимая папку, в которой лежал не просто договор. Там, на полях, крошечными буквами, была выведена дата, разделившая их жизнь на «до» и «после». И если он хочет, чтобы появилось новое «после», ему придётся научиться говорить. Даже когда язык прилипает к нёбу, а слова кажутся неправильными.

Он шагнул в сторону переговорной, где через полчаса начнётся совещание. Обычный рабочий день. Только теперь всё

было по-другому. Потому что теперь у него было тридцать дней. И он не собирался их терять.

Глава 6. Новый кабинет, старый нерв

Катя толкнула тяжёлую стеклянную дверь и сразу поняла: вчера она была здесь чужаком, заскочившим на минутку. Сегодня - временным сотрудником с бейджем на шее, и этот синий шнурок натирал кожу, как напоминание: ты в системе, детка.

Вестибюль встретил привычной стерильной тишиной. Только теперь она слышала её изнутри. Басовитое гудение кондиционера, шорох вентиляции где-то под потолком, глухое эхо своих шагов - всё это отдавалось в пояснице и нашёптывало: «Ну что, начальница, ты уверена?» Охранник мазнул по ней взглядом - не враждебно, но цепко. Запоминает. Привыкает к новому лицу в своём муравейнике с пропускной системой.

Она прицепила бейдж. На фото трёхдневной давности, сделанном на ресепшене в первый визит, она выглядела так, будто её застучали за чем-то неловким. Настороженная, почти затравленная. Сейчас внутри ворочалось другое. Злость? Пожалуй. Пока безадресная, висевшая в воздухе, как пыль в луче проектора, она ждала своего часа. И Катя знала: час этот настанет.

Турникет пискнул, пропуская её. Она направилась к лиф-

там.

Прозрачная кабина поползла вверх. За стеклом тянулись одинаковые этажи: коридоры, двери с цифрами, люди в серо-синих костюмах. Муравейник, в который посадили осу. Катя усмехнулась про себя - криво, без намёка на веселье. Интересно, сколько пройдёт времени, прежде чем её перестанут видеть «партнёром по проекту» и начнут узнавать «ту самую бывшую жену»? Слухи в этих стенах бегали быстрее вирусов, это она помнила ещё по их совместной жизни. Артём тогда тоже работал в крупной компании, и новости о его повышении или чьём-то увольнении долетали до неё раньше, чем он успевал открыть рот.

Лифт замер на втором этаже.

Двери разъехались, впуская её в коридор поуже. Меньше стекла, больше глухих стен, выкрашенных в холодный серый. Гостевые кабинеты для внешних. Не подвал, но и не топ-менеджмент. Корпорация отвела ей место, ясно обозначив статус: не своя, временная, периферийная. Что ж, спасибо и на этом. Могли бы вообще в подвал засунуть, к архивам и сломанным кофемашинам.

Катя отыскала дверь с номером 214 на пластиковой вставке и вошла.

Катя сбросила сумку на стол и огляделась. Ни стикера на стене, ни забытой ручки в ящике, ни царапины на пластике. Идеально стерильная клетка для идеально временного человека. Она провела ладонью по столешнице - холодный, чуть

шершавый пластик царапнул кожу. Брр. Захотелось немедленно притащить сюда что-то живое. Цветок в горшке. Например кактус. Пусть колючий, но свой.

Из сумки появился ноутбук. Лёг слева. Справа - чёрный блокнот с фразой «Не доверять мужчинам-менеджерам» на одной из страниц. В центр, поближе к окну, Катя водрузила кружку с логотипом стартапа - белый ключ на тёмно-синем фоне.

Кружка горела на сером пластике, как сигнальная ракета. Слишком яркая, слишком живая, слишком личная. Напоминание: у неё есть свой мир за этими стенами. И она в него вернётся. Чего бы ей это ни стоило.

Дверь распахнулась без стука. Ну кто бы сомневался.

- Ну и дыра, - Алёна вплыла внутрь, сжимая картонный стаканчик. - Тебя в ссылку отправили?

Она обвела взглядом кабинет, хмыкнула и приземлилась на край стола, не спрашивая разрешения. Фуксиевая юбка легла на серый пластик единственным цветным пятном во всей комнате. Хоть что-то радовало глаз.

- Второй этаж. Гостевой блок. По местным правилам, - Катя дёрнула плечом.

- По правилам - это когда тебя засовывают туда, где ты никому не мешаешь.

Алёна поставила стаканчик и скрестила руки на груди. Её взгляд перепрыгнул с кружки-ключа на блокнот, с блокнота - на пустые стены.

- Ладно. Денис подъедет через полчаса. Демка почти готова, но он хочет показать тебе до встречи с их айтишниками. Чтобы ты знала, где дыры.

- Добро.

- И ещё. - Алёна понизила голос до театрального шёпота, хотя в коридоре и так никого не было. - Вчера вечером в курилке пересеклась с девушкой из их пиара. Случайно. Лариса запросила доступ к вашему с Артёмом календарю. Все встречи, все созвоны - она теперь видит.

Катя замерла. Ноготь большого пальца, лежавшего на блокноте, побелел от нажима.

- Зачем?

- Официально - «для координации связей». - Алёна нарисовала в воздухе кавычки. - А так - следит за каждым шагом.

В животе у Кати сжался тугой холодный узел. Не страх - узнавание. Лариса не просто копалась в чужом белье. Она строила карту их передвижений. Изучала маршруты перед ударом. Катя вдруг отчётливо увидела её: идеальная осанка, взгляд в монитор, методичная прокрутка чужого расписания. Зрелище тошнотворное и отчего-то унижительное. Как будто кто-то залез в её личный дневник и теперь читает вслух.

- Спасибо, что сказала.

- Я здесь за этим. - Алёна спрыгнула со стола. - Ладно, побежала. Через двадцать минут созвон с клиентом. Дениса жди.

У двери она затормозила.

- Кать.

- А?

- Ты вчера как? После всего? - Алёна неопределённо махнула рукой, но Катя поняла: подруга имела в виду разговор с Артёмом у остановки. Ручку. «Я хочу попробовать».

- Нормально.

- Врёшь.

- Вру.

Алёна кивнула, принимая ответ.

- Вечером наберу. Расскажешь.

Она подняла крышку ноутбука. Экран загорелся, требуя корпоративный пароль. Катя вбила цифры и буквы, присланные вчера. Система помедлила и развернула рабочий стол - такой же стерильный, как всё в этом здании. Стандартная заставка с логотипом. Стандартный набор иконок. Ничего лишнего. Даже обои не сменить на что-то человеческое.

Почту распирало от писем. Двадцать три за ночь. Приглашения на встречи, запросы от проектной группы, рассылки о пожарной безопасности и смене паролей. Катя пролистывала их, не вчитываясь, пока взгляд не упёрся в тему.

«Календарь совместных активностей - доступ расширен».

Системный адрес. Сухая формулировка: «К списку участников с правом просмотра добавлена Ветрова Л.К. (отдел стратегических партнёрств)».

Значит, правда. Лариса подключилась. Теперь каждый со-

звон, каждая встреча с Артёмом пойдут под её невидимым прицелом. Очень удобно, ничего не скажешь. Прямо как тогда, в последний месяц брака, когда она чувствовала, что за их отношениями кто-то наблюдает со стороны. Только теперь у этого «кого-то» есть имя и должность.

Катя свернула письмо и открыла календарь. На сегодня - три пункта. Знакомство с командой через час. Обсуждение дорожной карты с Артёмом после обеда. Встреча с айтишниками в конце дня.

В графе «Участники» напротив каждой строчки значилось: «Морозов А.А., Морозова Е.С., Ветрова Л.К. (наблюдатель)».

Три фамилии столбиком. Её, его и её. Треугольник, которого не существовало в их браке, но который всегда маячил где-то рядом - незримый, влиятельный. Теперь он проступил чётко. Не в личной жизни - в корпоративном расписании. Ирония судьбы в чистом виде.

Катя захлопнула ноутбук резче, чем собиралась. Звук ударился о голые стены и сдох. Ладно, хватит рефлексии. Пора работать.

В коридоре слышались шаги. Тяжёлые, мужские. Замерли у самой двери.

Катя вскинула голову.

Сквозь матовый пластик проступил силуэт. Высокий, плечистый, с прямой спиной. Она узнала его мгновенно - по манере стоять, перенеся вес на левую ногу. Артём всегда

так ждал. Всегда чуть кренился влево, будто слушал что-то, недоступное прочим. Она помнила этот жест. Он всегда так делал, когда не решался сказать что-то важное.

Стук. Короткий, сухой.

- Войдите.

Дверь отворилась. Артём шагнул внутрь и замер на пороге, словно не решаясь идти дальше. В руке - тонкая папка из юридического отдела. Тёмно-серый костюм, белая рубашка без галстука. Под глазами тени глубже вчерашних. Видно, тоже не спал. Катя заметила смятый воротник и расстёгнутый манжет на правой руке - раньше он никогда не позволял себе таких мелочей. Раньше он был безупречен. А теперь? Что с ним стало за эти четыре года? И почему её это вообще волнует?

Он обвёл взглядом комнату. Задержался на кружке с ключом. На ноутбуке. На чёрном блокноте. И только потом посмотрел на Катю.

- Устроилась?

Голос ровный, без красок. Начальник спрашивает новенькую. Ну-ну.

- Нормально, - отозвалась она тем же тоном.

Пауза. Артём не двигался с порога. Она не звала его сесть. Его пальцы сдавили край папки - единственный признак напряжения. Ну давай, скажи уже что-нибудь человеческое. Или так и будешь стоять, как памятник самому себе?

- Принёс копию подписанного договора, - он положил пап-

ку на край стола. - Оригинал у юристов.

- Спасибо.

Он не уходил. Стоял и переводил взгляд с кружки на Катю и обратно. В его глазах появилось что-то новое. Не вина, не напряжённость - осторожный интерес. Так смотрят на знакомую вещь, обнаруженную в неожиданном месте.

- Твоя кружка, - проговорил он тихо.

- Моя.

- Я её помню.

Катя промолчала. Мышцы живота свело - старая реакция на его голос, когда он делался тихим и почти личным. Она запретила себе отвечать. Смотрела прямо, выдерживая паузу. Скажите мне вот что: почему спустя четыре года его слова всё ещё имеют надо мной такую власть?

Артём перевёл взгляд на окно. На серую стену.

- Вид не очень.

- Я здесь не ради пейзажей.

Он кивнул - скорее себе, чем ей. Потом опять уставился на кружку.

- Ты всегда ставила её слева от монитора. Чтобы видеть, пока работаешь.

Внутри у Кати что-то дрогнуло. Он помнил. Не просто помнил - подмечал такие мелочи, которые она сама давно перестала осознавать. Кружка и правда стояла слева. Привычка. Рефлекс из их общей квартиры, где он часто сидел напротив и смотрел, как она склоняется над бумагами, а ря-

дом - кружка с ключом, их общий символ, придуманный за-долго до стартапа. Чёрт бы его побрал с этой памятью.

- Ничего это не значит, - отрезала она. - Просто привычка.

- Знаю.

Он взялся за дверную ручку, но помедлил. Ну вот, сейчас скажет что-то важное. Или опять уйдёт, оставив её с вопро-сами.

- Катя.

Она ждала.

- Сегодня после обеда встреча по дорожной карте. Лариса подключится наблюдателем. Не моё решение. Местный про-токол для стратегических проектов.

- Я уже видела уведомление.

Он кивнул.

- Хорошо. Просто хотел предупредить. Чтобы не стало... сюрпризом.

Катя усмехнулась - сухо, без тени веселья.

- Сюрпризом? Артём, то, что Лариса следит за каждым нашим шагом, - не сюрприз. Закономерность.

Он смолчал. Желваки на скулах напряглись, но он удержался. Бедный. Как же ему трудно, наверное. Но мне-то что с того?

- Если всё, - сказала Катя, - у меня через полчаса знаком-ство с командой. Надо подготовиться.

- Да, конечно.

Он открыл дверь, шагнул за порог и уже оттуда, не оборо-

чиваясь, бросил тихо:

- Рад, что ты здесь.

Замок щёлкнул.

Катя смотрела на дверь и чувствовала, как в груди разливается тяжёлое, вязкое тепло. Не от слов - от того, как он их произнёс. Тихо. Почти извиняясь. Будто сам сомневался, имеет ли право. И вот что мне с этим делать, а? Простить? Поверить? Или послать куда подальше и заняться делом?

Она тряхнула головой, снова подняла крышку ноутбука, нашла презентацию для знакомства с командой. Слайды поплыли перед глазами. Она видела не цифры и графики, а кружку с ключом. И его взгляд, когда он сказал: «Ты всегда ставила её слева».

Ладно. Сначала работа. Чувства - потом. Если «потом» вообще наступит.

Знакомство с командой вышло скомканным. Катя выскользнула из переговорной на четвёртом этаже с ощущением, будто её препарировали. Восемь человек за длинным столом, восемь пар глаз - в каждом любопытство пополам с настороженностью. Слухи о «бывшей жене» уже облетели этажи; она чуюла это по взглядам, задерживавшимся на ней чуть дольше приличий. Люди искали подтверждение тому, о чём шушукались в коридорах. И ведь находили, наверное. В каждом её жесте, в каждой паузе.

Она отвечала чётко, держала спину, не позволяла голосу

дрогнуть. Но внутри звенела струна. Когда женщина с острыми плечами и рыбьими глазами спросила, не повлияет ли «личное знакомство» с Артёмом Андреевичем на распределение ролей, к горлу подкатил ком. Не от обиды - от ярости. Ну сколько можно? Неужели я навсегда останусь «бывшей женой»?

- Личное знакомство проекта не касается, - отчеканила Катя. - Роли поделены по компетенциям. Если есть вопросы по делу - готова ответить. Если вопрос личный - оставим его за дверью.

Женщина отвела взгляд. Катя выиграла раунд, но осадок остался - липкий, горький, как кофе из автомата на первом этаже.

Она вернулась в свой кабинет и закрыла дверь слушая, как колотится сердце. Гулко, с перебоями. Так, спокойно. Дыши. Ты справилась. Они просто проверяют тебя на прочность. Ничего нового.

До встречи с Артёмом оставалось два часа. В столовую она не пошла - не хватило сил ловить новые взгляды. Достала из сумки яблоко, прихваченное из дома, и съела, глядя в серую стену. Кислота свела скулы, но это отвлекало. Интересно, он тоже сейчас сидит где-то и давится своим корпоративным обедом? Или ему плевать?

Потом она раскрыла блокнот. Перелистнула на сегодняшнюю страницу. Слева - рабочие заметки: «Бюджет до пятницы», «Презентация для IT», «Позвонить инвестору». Спра-

ва, на полях, жирная строка: «Не доверять мужчинам-менеджерам».

Катя взяла ручку и ниже, мелкими буквами, приписала: «Он помнит, куда я ставила кружку. Что это меняет?»

Потом зачеркнула вопрос. Жирно, до дыры в бумаге. Вот именно. Ничего не меняет. Работай.

Встреча с Артёмом шла в его кабинете на пятом этаже. Катя вошла ровно в срок, без суеты. Постучала, дождалась «войдите», открыла дверь.

Кабинет оказался вдвое просторнее её клетушки. Панорамное окно во всю стену, вид на проспект, серое небо, крыши. Свет резал комнату надвое. На столе - два монитора, бумаги, корпоративная кружка. Ничего личного. Кроме одной вещи.

У самого монитора лежала ручка. Чёрный корпус, серебристый зажим. Её не прятали в ящик, не швыряли в общую кучу. Она лежала так, будто её только что положили - или всегда держат под рукой. Ну вот, опять. Зачем ты это делаешь, Артём? Хочешь, чтобы я растаяла? Не дождёшься.

Катя отвела взгляд. Не сейчас. Сначала дело.

- Садись, - Артём указал на стул напротив.

Она села, раскрыла ноутбук. Он сделал то же самое. Два экрана, два блокнота, две версии одной дорожной карты.

- Начнём с тестирования гипотез. Твои предложения?

Катя заговорила. Чётко, по пунктам. Что проверять, какие

метрики считать, кого привлекать из пользователей. Он слушал, кивал, вставлял короткие реплики. Спорили редко - в основном о сроках. Она давила на скорость, он - на дополнительные проверки.

- Ты торопишься, - заметил он, не поднимая глаз от клавиатуры.

- У нас тридцать дней. Забыл?

Он поднял взгляд.

- Не забыл.

Пауза. Короткая, но ощутимая. Воздух сгустился от недосказанности - от всех слов, которые они заменяли рабочими терминами. Говори же. Скажи что-нибудь настоящее. Ну же.

- Ладно, - сдался он. - Сроки двигаем. Но риски вырастут.

- Риски и так высоки. Из-за нас.

Он промолчал. Пальцы над клавишами замерли на секунду и побежали дальше. Трусись. Боишься открыть рот и всё испортить. Или наоборот - боишься, что я снова поверю?

Они работали ещё час. Обсудили ресурсы, разбросали задачи, забили контрольные точки. Катя чувствовала себя выжатой, но довольной. Дело сдвинулось. Проект набирал плоть. Хотя что-то в этой жизни поддаётся контролю.

Она закрыла ноутбук и встала.

- Вопросов нет? Тогда я к айтишникам.

- Катя.

Она обернулась.

Он смотрел на неё иначе. Не виновато, не холодно. Устало

и решительно - как человек, долго блуждавший не в ту степь и наконец разглядевший дорогу. Его рука лежала на столе рядом с той ручкой, и большой палец поглаживал колпачок - бессознательно, почти нежно. Вот оно. То самое. Человеческое.

- Лариса будет на всех ключевых встречах. Не только в календаре. Лично.

Катя стиснула ноутбук. Пальцы онемели.

- Зачем говоришь?

- Чтобы не стало сюрпризом. - Он вернул ей утреннюю фразу, но с иным смыслом. - Тогда я тебя не защитил. Сейчас пытаюсь.

Внутри перемешалось: злость, усталость, странное, полузабытое тепло. Он предупредил. Не утаил. Не притворился, что всё в порядке. А ведь мог бы. Раньше он так и делал - молчал и делал вид, что всё идёт по плану.

- Спасибо, - выдавила она. - Учту.

Коридор пустовал. Под веками плавали цветные пятна, а в ушах звучало: «Тогда не защитил. Сейчас пытаюсь».

Она не знала, верить ли. Но что-то внутри - маленькое, упрямое, почти атрофированное - хотело проверить. И это «что-то» пугало её больше всего.

Вечером Катя сидела в своём кабинете, уставившись в экран ноутбука. Рабочий день кончился. Коридоры вымерли. Где-то в конце этажа гудел принтер, да тележка уборщи-

ка проскрипела мимо.

Усталость навалилась не телесная - глубинная, вязкая, как болотная жижа. День в чужой среде высосал её досуха. Каждое слово приходилось взвешивать, каждый взгляд - расшифровывать. Она ощущала себя шпионом во вражеском тылу, который обязан улыбаться и делать вид, что всё идёт по плану. А вечером - сидеть в пустом кабинете и смотреть в стену.

Она раскрыла блокнот, перечитала сегодняшние записи. Взгляд снова упал на зачёркнутое: «Он помнит, куда я ставила кружку. Что это меняет?».

Катя вырвала страницу. Медленно, аккуратно, чтобы не повредить переплёт. Свернула пополам, ещё раз. Сунула в карман пиджака. Пусть лежит. Как напоминание. О том, что я чуть не дала слабину. Снова.

В коридоре зашуршали шаги. Мягкие, крадущиеся. Они приближались с остановками - не так, как ходят уборщики или охранники. Иначе.

Катя подняла голову.

Шаги стихли прямо у двери. Сквозь матовый пластик маячил силуэт - размытый, нечёткий. Кто-то замер и не двигался.

Секунда. Вторая. Третья.

Катя перестала дышать. Рука сама потянулась к телефону.

Силуэт качнулся и пропал. Шаги зашуршали дальше - быстро, почти бегом.

Катя выдохнула, подождала минуту, прислушиваясь. Тишина.

Она поднялась, подошла к двери, приоткрыла створку. Высунулась в коридор.

Пусто.

За ней следят. И следят в упор. Не в календаре. В жизни.

Она выдвинула ящик стола, убрала блокнот внутрь, задвинула до упо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.